

«ЖИВУ, КАК ПТИЦА НЕБЕСНАЯ...»

CURRICULUM VITAE*
ДМИТРИЯ ФЕДОРОВИЧА СИНИЦЫНА:
НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

М.Л. Тарбеев, Н.Ю. Стоюхина

Биография первого ректора Нижегородского университета Дмитрия Федоровича Сеницына известна только в общих чертах. И, несмотря на знаковость фигуры, в подробностях никем не изучалась. Однако даже из краткой биографической справки видно, что жизнь Д.Ф. Сеницына была насыщенной, интересной, полной скитаний и драматизма.

Симферополь

Уточнение биографических данных приводит порой к интересным открытиям. Считалось (и это подтверждают документы), что Д.Ф. Сеницын родился в городе Симферополе. Но в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) мы с удивлением прочитали написанное рукой Д.Ф. Сеницына Curriculum vitae:

Димитрий Федорович Сеницын, сын православного священника Федора Моисеевича Сеницына, родился в 1871 году в селе Троицком Мелитопольского уезда Таврической губернии¹.

В этом же деле, на второй странице анкетного листа в графе «место рождения» значится Симферополь.

Вполне вероятно, что данные о рождении в селе Троицком взяты Д.Ф. Сеницыным из метрики, но он считал, что родился в Симферополе. Исследователям, не располагая документами, остается только гадать, когда Сеницыны переехали из села Троицкого в Симферополь. В письмах Сеницына, опубликованных в данной работе, содержится информация, что сестра его жила в селе

Григорьевка-на-Конке (Александровского уезда Екатеринославской губернии, ныне село Григоровка Запорожского района Запорожской области Украины), находящемся километрах в пятидесяти от села Троицкого (ныне Мелитопольского района Запорожской области Украины).

Далее в автобиографии: «Среднее образование получил в Симферопольской духовной семинарии, которую кончил со званием студента семинарии в 1892 году»².

По данным сайта «Петербургский генеалогический портал» Дмитрий Сеницын числился выпускником Симферопольского мужского духовного училища:

Выпуск 1886 года

Разряд 1: Булашев Афанасий — награждается книгой; Игнатенко Димитрий — награждается книгой; Секиринский Димитрий — награждается книгой

Разряд 2: Филиппов Григорий, Шеларь Георгий, Визирский Никита, Лобачевский Михаил, Ладухин Петр, Сеницын Димитрий, Ткаченко Порфирий, Стойчев Владимир, Гайдукковский Димитрий, Троицкий Георгий

Михаил Львович Тарбеев — ведущий инженер кафедры зоологии биологического факультета (1992–2005), сотрудник музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского (2001–2005), младший научный сотрудник Нижегородского отделения ФГБНУ ГосНИОРХ им. Л. С. Берга (2005–2017).

Наталья Юрьевна Стоюхина — к.п.н., доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

* Ход жизни (лат.)

1871

с. Троицкое

Симферополь

Варшава

Москва

Нижний Новгород

Симферополь

Минск

Нью-Йорк

Вашингтон

Лос-Анджелес

1937

Список трудов: *Russicum vitae*
 Дмитрий Федорович Сивушкин, сын православного священника
 Федора Моисеевича Сивушкина, родился в 1871 году в селе Бирощах Мезитополь-
 ского уезда Гродненской губернии.

I. Среднее образование получил в Виленской духовной семинарии, которую
 окончил со званием студента семинарии в 1892 году.

Высшее образование получил в Варшавском университете на естественном
 отделении физико-математического факультета. Окончил университет в 1897
 году со званием кандидата естественных наук за представленное диссертацию
 на тему "паразиты рыбы птиц икретивостей Варшавы".

С 1897 года занимал должность в Варш. университете хранителя зоологиче-
 ского кабинета, а в 1905 году по идейным соображениям вышел в от-
 ставку и перешел в Московский университет, в качестве приват-доцента.
 В Москве, в университете им. Манзвского со времени основания и до 1917 года
 занимал кафедру зоологии.

В 1917-19 г.г. занимал кафедру зоологии в Нижегородском Университете
 с 1919 до 1923 года состоял приват-доцентом в звание профессора
 Крымского университета и Крымского Е/Х института.

II. Административная и организаторская деятельность: Принимал участие
 в качестве лектора и члена правления в организации Московского Общества Народных
 Университетов, был председателем его академического совета. Принимал участие
 в организации университета им. Манзвского и был секретарем его естественного
 факультета. Организовал при Московском звание паразитологии лабораторию,
 которой и заведовал в 1914-17 годах. Был председателем комиссии по орга-
 низации Московского ветеринарного института. При временной правитель-
 стве организовал в Нижнем Новгороде Высший Е/Х курс и Высшую школу
 при Нижегород. Ун-верситете. Организовал при советском правитель-
 стве в Нижнем Новгороде Государственный Университет, в котором и зани-
 мал должность ректора по избранию коллегии в 1917-19 году. Был пред-
 седателем комиссии по разработке учебных планов для Крымского Е/Х инсти-
 тута специальных курсов. Организовал Нижегородское Научное общес-
 тво, было и состоял председателем до 1919 года.

SM

III. Ученая и учебная деятельность: С 1896 по 1905 год вел практические занятия по зоологии со студентами под руководством проф. К.В. Максимова. В этот же период времени привел в порядок коллекции зоологического музея Варш. Университета, перепределил обширную коллекцию рыб и сделал списки и описания коллекции рыб. В 1902 году выдержал в Одесском университете магистерский экзамен.

В 1905 году защитил в Петерб. университете магистерскую диссертацию.

В 1912 году в Петерб. университете защитил докторскую диссертацию.

В 1904 году получил заграничную командировку для изучения зоологических садов и музеев Европы.

Летом 1897 и 1898 года провел на Беломорский биологической станции. Летом 1910-11 года провел на Севастопольской биологической станции. В результате этого пребывания выполнил ряд работ по биологии трематод.

Главнейшие печатные труды:

A. Научные: „Трехпаразиты рыб и птиц окрестностей Варшавы“ 1897.

„Списки и описания коллекции рыб Варш. музея“ 1900 г.

„Материалы по естеств. истории трематод.“ 1905 г.

„Studien über die Phylogenie der Trematoden“ 1910-14 г.

„Партиципационные поколения трематод и его значение

в черноморских моллюсках“ 1912 г.

„Личинки в Моск. губернии“ 1916 г.

B. Научно-популярные и руководящие:

„Лекции по биологии“ 1905 и 1922 г.

„Избавимся от вшей — не заболеть тифом“ 1915 г.

„Определение паразитов“ 1915 г.

Приор. Д. Р. Шиндлер.

Минск, Май 1923 г.

гий, Лохвицкий Иван, Туркулов Георгий, Шаманский Георгий

Без перевода в семинарию: Пиккульский Иван³.

Симферопольское мужское духовное училище находилось в начале улицы Екатерининской. Сейчас на этом месте располагается военная часть (угол улиц Карла Маркса и Павленко).

В 1887 году Д.Ф. Синицына перевели в Симферопольскую духовную семинарию, где он учился шесть лет.

Несколько смущают воспоминания известного зоолога и зоогеографа Ивана Ивановича Пузанова (публикуются впервые), встречавшегося с Синицыным в 1922 году в Симферополе:

«Почему вы приехали теперь, после Революции, именно в Симферополь, Дмитрий Фёдорович?» — спросил я. «Странный вопрос! — оживился Синицын. — Ведь Симферополь — моя родина! Здесь я окончил гимназию, где преподавал в то время весьма знающий, но тяжело го нрава учитель словесности — знакомый вам Арсений Иванович Маркевич. А начал я учиться в духовной семинарии — ведь я из поповичей, отец мой был протоиереем Таврической церкви. А, в общем, конечно, я крымчак до мозга костей — люблю Крым, люблю татар и их быт — песни и стряпню»⁴.

Если речь идет о гимназии, то причем здесь духовная семинария? Еще один вопрос, на который мы не можем дать ответа. Мемуарные источники дают живую картину прошлого, но без официальных документов не вносят ясности в имеющиеся сведения. На запрос в Государственный архив Республики Крым (ГКУ РК ГАРК) пришел ответ следующего содержания: «ГКУ РК на ваш запрос от 28.02.2017 сообщает, что в фонде “Симферопольская казенная мужская гимназия” за 1886–1892 годы информации о Синицыне Дмитрие Федоровиче не выявлено».

Ректором Таврической духовной семинарии был магистр богословия Иоанн Павлович Знаменский, ставший в 1884 году протоиереем. Богословие преподавали священники Николай Ильич Ильинский, Алексей Лукич Высоцкий, Александр Васильевич Иванов и др. Кроме того читали лекции по истории, философии, литературе, математике и естествознанию.

Преподаватели семинарии имели довольно тесные контакты с учеными в светских кругах, в том числе и с А.И. Маркевичем, о чем свидетельствуют многочисленные материалы Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), активным деятелем которой он был (1887–1923). Возможно, не без участия Арсения Ивановича Синицын решил поступать в Варшавский университет.

Тогда только три университета (Томский, Юрьевский и Варшавский) принимали лиц, окончивших духовные семинарии по первому разряду. В 80-е годы XIX века решили поступление семинаристов на льготных условиях в Юрьевский и Варшавский, поскольку Царское правительство особенно оберегало от «революционной заразы» окраинные университеты. В Польшу и направился Синицын.

Григоровка

Троицкое

М

ХОД ЖИЗНИ

Симферополь

Никольская церковь при Симферопольском мужском духовном училище

*Училище Духовное училище.
Geistliches Klerikergymnasium.*

Симферополь — Simferopol.

Здание Таврической духовной семинарии

Собор Александра Невского. Начало XX века

Симферопольский вокзал. Начало XX века

Варшава

Доехать до Варшавы можно было по Юго-Западной железной дороге с пересадкой в Бресте на Петербургско-Варшавское направление. Поезд прибывал к перрону живописного Петербургского вокзала, построенного в 1863 году по проекту архитектора Нарцисса Збожевского в местечке Прага Пулноц (Прага Северная).

От вокзала до университета можно было доехать минут за двадцать—тридцать или на извозчике, или на конке (конном трамвае). Путь лежал с Виленской улицы на Петербургскую (ныне Торговую), затем на Александровскую, выходящую на Александровский мост (мост Кербедза, ныне Шленско-Домбровский) через Вислу, на Замковую площадь и далее на улицу Краковское предместье.

Столица Польши блистала благодаря усилиям девятнадцатого президента Варшавы Сократа Ивановича Старынкевича. В 1891—1892 годах высадили более 2500 деревьев, благоустроили 13 парков, 47 улиц и площадей превратили в зеленые зоны, установили на улицах газовые фонари, построили рынок Хала Мировска, начали асфальтирование улиц и возведение новых зданий в центре города.

Посетителям, попавшим на территорию университета через главные ворота, которые располагались в глубине двора между дворцом Урусских слева и зданием справа (ныне Институт польской культуры), открывался вид на новое здание библиотеки, еще закрытое лесами, но близкое к завершению.

Президент Варшавы С.И. Старынкевич

1. Александровский мост

2. Замковая площадь

3. Краковское предместье

Конка на улице Краковское предместье

ЖМ

ХОД ЖИЗНИ

Варшава

4. Петербургский вокзал в Варшаве (разрушен в 1915 году)

5. Костел Св. Креста

6. Дворец Сташица и памятник Копернику

Ректор Варшавского университета
(1892–1894) И.П. Щелков

Царское правительство, оберегая от «революционной заразы» Варшавский университет, стремилось направлять туда благонадежных преподавателей и студентов.

Русский университет должен был стать форпостом русской культуры в Царстве Польском, местом подготовки царских чиновников из представителей имущих классов и средством отвлечения молодежи от революционной деятельности.

Однако студенчество часто принимало участие в революционном движении, а среди ученых были люди, протестовавшие против политики насильственной русификации поляков.

К приезду Д.Ф. Синицына в Варшавском университете сложилась такая ситуация. Ректор (физиолог Иван Петрович Щелков) не имел практически никаких административных прав.

Решал все попечитель Варшавского учебного округа Александр Львович Апухтин. Пост Варшавского генерал-губернатора занимал Иосиф Владимирович Гурко. Оба (каждый по-своему) энергично трудились над русификацией Польши. И.В. Гурко видел приготовления Германии и Австро-Венгрии к войне и понимал, что для России важно закрепиться на этой территории и дать отпор. А.Л. Апухтин пытался лишить поляков их культуры. Доклады о проделанной работе постоянно направляли через Министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву, министру внутренних дел (сначала Дмитрию Андреевичу Толстому, позже Ивану Николаевичу Дурново) и царю Александру III.

7. Дворец Тышкевичей (ныне Музей Варшавского университета)

8. Дворец Уруских

9. Ворота университета на улице Краковской предместье (построены в 1913 году)

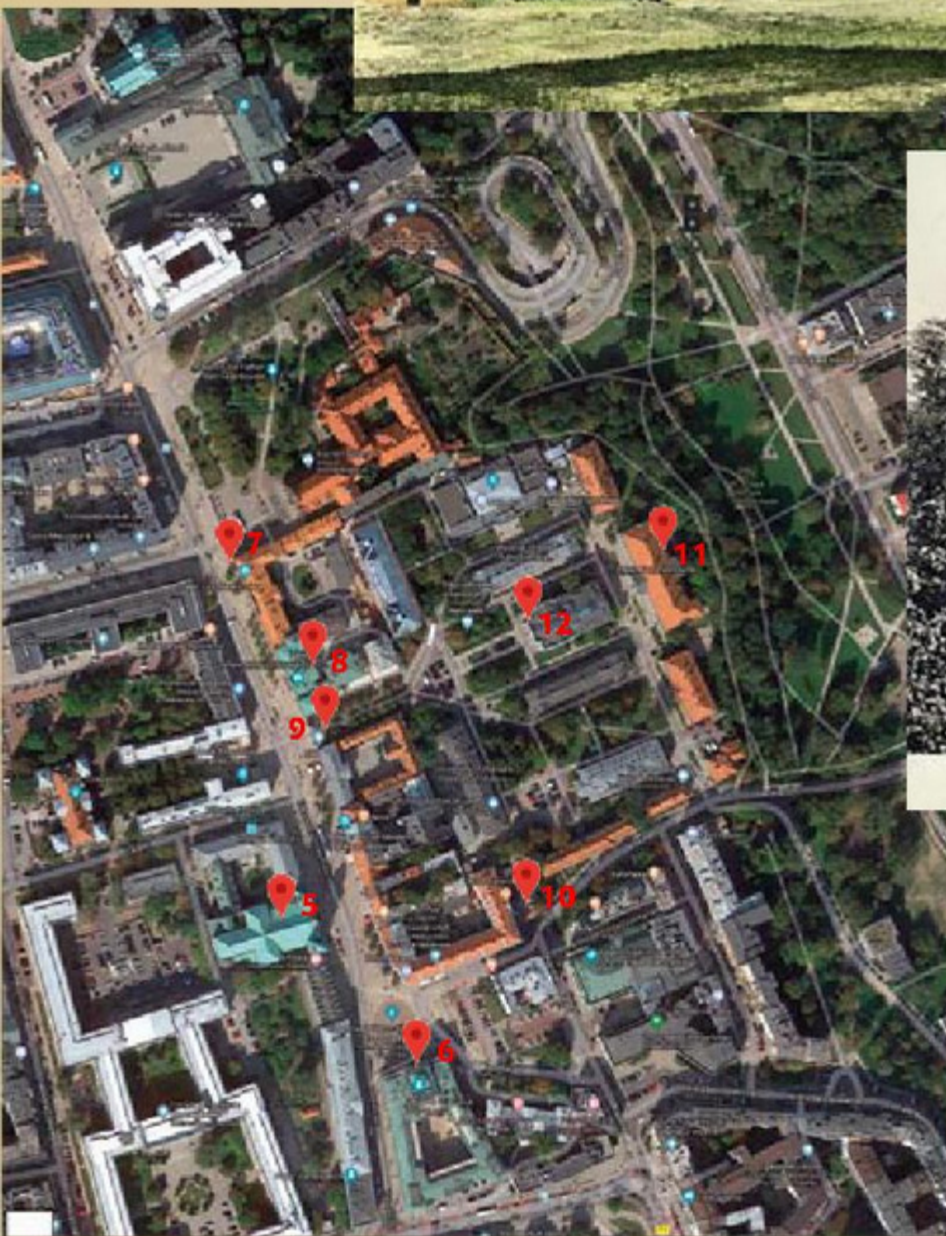
10. Здания университета со стороны ул. Обозной

Варшавский университет

11. Здание Варшавского университета (дворец Потоцких)

12. Библиотека Варшавского университета

В читальном зале библиотеки Варшавского университета

Сообразно прессу властей, росло возмущение поляков. В 1880-х распоряжением Апухтина во всех казенных школах Привислинского края воспитанникам запрещалось говорить между собой на польском языке, даже в частных школах было введено преподавание всех предметов на русском.

Более того, польский язык превратился в необязательную дисциплину, а его преподавание велось наравне с прочими предметами по-русски. Следующим шагом попечителя округа стало введение обязательного обучения польских детей в сельских школах католическому Закону Божию на русском языке. Ксендзы отказывались от преподавания, недовольство польского общества росло.

Тут не выдержал даже И.В. Гурко. Понимая, чем могут грозить подобные действия попечителя Варшавского учебного округа, он добился встречи с министром внутренних дел Д.А. Толстым, чтобы высказать ему свое возмущение порядками, насаждаемыми в Варшаве. Д.А. Толстой проигнорировал мнение генерал-губернатора и оставил своего ставленника на прежнем посту. После смерти Д.А. Толстого в 1889 году картина «засилья Апухтина» в польской столице не изменилась.

Столь же рьяно А.Л. Апухтин следил и за Варшавским университетом. Богатая материально-техническая база университета давала русским студентам невероятный простор для научных исследований. Однако превосходнейшее оснащение университетских лабораторий предназначалось больше для того, чтобы заинтересованные исследованиями студенты не думали об отъезде за границу, где могли подхватить «революционную заразу», и оставались под присмотром в Варшаве.

Воспитанники семинарий, поступающие на все факультеты Варшавского университета, подвергались испытанию по русскому языку и русской истории; кроме того, поступающие на историко-филологический факультет держали экзамен по древним языкам и всеобщей истории, на физико-математический — по математике и физике.

В экзаменационной комиссии, возглавляемой деканом физико-математического факультета Иваном Анатольевичем Востоковым, математику у Сеницына принимал профессор Николай Николаевич Зинин (младший), физику — Петр Алексеевич Зилов. В 1892 году Сеницын был зачислен только в посторонние слушатели университета. Студентом I курса он стал в 1893 году.

На начальных курсах ботанику читали Александр Александрович Фишер фон Вальдгейм, Владимир Иванович Беляев, анатомию — Семён Никанорович Ящинский, историю — Иван Порфирьевич Филевич, физику и кристаллографию — Георгий (Юрий) Викторович Вульф — ученые, имена которых были извест-

Профессор Н.В. Насонов

ны не только в России. Но из всех наук больше всего пленила Д.Ф. Сеницына зоология. Лекции по курсу зоологии читал профессор Николай Викторович Насонов.

Энтомолог по основному призванию, он имел в своем багаже также труды о развитии африканского страуса, по морфологии даманы и целый ряд других. Прекрасная эрудиция, манера читать лекции восхитили Сеницына. Кроме того, Н.В. Насонов заведовал зоологическим музеем Варшавского университета, приняв его в свое ведение после смерти в 1890 году Владислава Казимировича Тачановского. Под началом Н.В. Насонова работали два ассистента (Иван Владимирович Ингеницкий и Николай Александрович Андрусевич, сыновья священников). Во время поступления Сеницына в Варшавский университет Н.А. Андрусевич участвовал в переговорах с революционером М.М. Егуповым, связанным с организацией «Пролетариат». В результате его арестовали и привлекли к дознанию, которое прекратили по манифесту 14 ноября 1894 года. В 1893 году Н.В. Насонов взял на должность еще одного ассистента выпускника-зоолога Александра Константиновича Мордвилко, с которым Д.Ф. Сеницын тесно сдружился за годы учебы.

В 1894 году сняли леса с нового здания университетской библиотеки. Студенты помогали в перевозе книг из старого здания в новое. Руководил переездом заведующий библиотекой профессор Сергей Иванович Вехов. Большую часть времени Д.Ф. Сеницын теперь проводил в читальном зале, поскольку со второго курса начиналась специализация — требовалось тщательное штудирование литературы по предмету,

и потому что было красиво в просторных и светлых помещениях нового здания.

В 1894 году сменили ректора. Для усиления русского влияния на умы студентов царское правительство направило в Варшаву из Харькова психиатра профессора Павла Ивановича Ковалевского. П.И. Ковалевский — активный участник национально-монархического движения. Некоторое время он состоял членом старейшей петербургской элитарной монархической организации «Русское собрание», участвовал в деятельности возникшего на базе «Русского собрания» Русского окраинного общества, ставившего своей целью изучение национальных окраин Российской империи и борьбу с сепаратизмом. П.И. Ковалевский в течение трех лет правления подобно буферу смягчал напряженные отношения между Апухтиным и студентами, защищая последних, так же как защищал душевнобольных Харьковской земской больницы (Сабуровой дачи), где служил ординатором. До вмешательства Ковалевского (потрясенного до глубины души увиденным в сумасшедшем доме) в сложившуюся систему отношения к душевнобольным, их положение было весьма тягостным: «Над несчастными был поставлен надзиратель, вооруженный плетью. При всяком непокорстве заслуживший получал напоминание о соблюдении приличия полным ударом плети. Если плеть не оказывала должного воздействия, безумного приковывали на цепь, и если это не унимало буяна, его заковывали просто-напросто в кандалы!»⁵. Ковалевский смело выступил в защиту душевнобольных, предложив целый ряд мер по реорганизации заведения (новаторством была воплощенная им идея создания мастерских для душевнобольных и приобщение их к физическому труду). Благодаря его трудам тягостному положению пациентов заведения пришел конец — цепи и кандалы исчезли, а умалишенные получили право считаться больными.

Картину, схожую с сумасшедшим домом, П.И. Ковалевский увидел в Варшавском университете и попытался сменить кнут на пряник в отношениях со студентами.

20 октября (1 ноября) 1894 года скончался император Александр III. 21 октября (2 ноября) на престол взошел Николай II. Наступила эпоха послаблений.

На старших курсах Д.Ф. Сеницын состоял хранителем зоологического музея при университете вместе со сверхштатным хранителем поляком Казимиром Казимировичем Червинским. Коллекции зоомузея пополнялись Н.В. Насоновым, П.И. Митрофановым, А.К. Мордвилко, Н.А. Андрусевичем, И.В. Ингеницким, русским офицером, орнитологом-любителем А.М. Быковым, студентами Варшавского университета и Д.Ф. Сеницыным в том числе.

С 1896 года Сеницын помогает Насонову и Мордвилко вести практические занятия со студентами первого и второго курсов (педагогическая практика). Разбирая

П.И. Ковалевский

и переопределяя коллекцию рыб и осматривая тушки добытых капитаном гвардии А.М. Быковым птиц, Д.Ф. Сеницын собирал материал для выпускной работы (медального сочинения) «Черви-паразиты рыб и птиц окрестностей Варшавы» (1896). В 1897 году ему присвоили ученую степень кандидата естественных наук.

15 августа 1897 года Дмитрий Фёдорович женился на дочери губернского секретаря Антонине Антоновне Ивашкевич (1867 г.р.).

Летние каникулы 1897 и 1898 года Дмитрий Федорович провел на Беломорской биологической станции. Здесь он познакомился с зоологом Михаилом Николаевичем Римским-Корсаковым, сыном известного композитора.

С Белого моря Сеницын привез в Варшаву обширнейшую коллекцию морских животных и, в частности, рыб. Это позволило ему в 1900 году опубликовать труд «Списки и описание коллекции рыб Варшавского музея».

В 1898 году его командировали на X съезд естествоиспытателей и врачей, проходивший в Киеве.

Н.В. Насонов в 1899 году стал деканом физико-математического факультета. Через год он подал прошение ректору Варшавского университета Георгию Георгиевичу Ульянову о заграничной поездке Д.Ф. Сеницына по зоологическим садам и музеям Западной Европы. Основание: хранитель зоологического музея должен соответствовать международному уровню. Н.В. Насонов также работал за границей в 1888 (биостанция в Триесте) и 1889 (зоосады) годах,

№ по порядку	ФАМИЛИИ и ИМЕНА	Оценки								
		Филол.	Общ. хивн.	Специальн. хивн.	Кристаллография	Минералогия	Геология	Палеонтология	Морфология и систематика растений	Анатомия и эмбриология растений
1	Богомысловский Федоръ									
2	Вейбергъ Сигизмундъ Степанъ	3	5	5	5	5	5	4	4	5
3	Войницкй Сигизмундъ Теодовидъ Лаврентий	2	5	5	5	4	5	5	5	5
4	Возхонскй Евгений	3	5	5	4	5	5	5	5	5
5	Вольфъ Рафаэль	3	5	5	4	3	5	5	4	4
6	Гробоускй Владиславъ Марьянъ	3	4	4	5	4	3	3	4	5
7	Горядовскй Людвигъ Стефанъ	3	5	5	5	5	4	5	4	5
8	Еленкинъ Александръ	3	5	3	4	5	5	5	5	5
9	Кузьменъ Казимиръ Яковъ	4	5	5	4	5	5	5	5	5
10	Куявскй Казимиръ Осипъ Алоизий	5	5	5	5	5	5	5	5	5
11	Лурю Мошко	4	5	5	4	5	5	5	5	5
12	Милобендский Вацлавъ Бенонъ	4	5	5	4	4	5	5	4	4
13	Морковскй Пьволодъ	4	5	3	4	4	5	5	5	5
14	Пониковскй Сигизмундъ Станиславъ	3	5	5	3	4	5	5	4	4
15	Пецъ Иванъ	4	5	5	3	3	5	4	4	5
16	Синицынъ Дмитрій	4	4	5	5	4	5	5	5	5
17	Трибавскй Ромуальдъ Марьянъ Юсифъ	4	5	4	3	4	5	5	5	5
18	Хмелевскй Конрадъ Александръ	3	3	4	3	5	5	4	4	4
19	Якубовичъ Вячеславъ	4	5	5	5	5	5	5	4	5
20	Жаменский Владиславъ	3	5	5	5	5	5	4	4	4

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 214 «Архив Варшавского Императорского Университета». Оп. 1. Д. 61. Л. 48 об. - 49. В ведомости приведены оценки, полученные Д.Ф. Синицыным по окончании последнего, 4 курса естественного отделения.

Среднее число инд. в гнезде

Густота, площадь, влажность, температура, влажность воздуха, влажность почвы

Средняя влажность

Физическая температура

Техническая влажность

Средняя влажность

Русский индекс и соответствие

Примечания отчета

4	5	4 ^{6/11}	5	5	5	4 1/2
4	5	4 ^{2/11}	3	5	4	4 1/2
4	5	4 ^{7/11}	5	5	5	4
3	4	4 ^{7/11}	4	5	4 1/2	4
3	4	3 ^{9/11}	3	5	4	4
4	5	4 ^{6/11}	4	5	4 1/2	3 1/2
5	4	4 ^{5/11}	4	5	4 1/2	5
5	4	4 ^{3/11}	5	5	5	4 1/2
5	5	5	5	5	5	4 1/2
5	4	4 ^{3/11}	5	5	5	4 1/2
4	5	4 ^{2/11}	3	5	4	4
4	5	4 ^{2/11}	4	5	4 1/2	5
4	4	4 ^{2/11}	3	5	4	4
4	4	4 ^{7/11}	5	5	5	4 1/2
5	5	4 ^{3/11}	3	5	4	4 1/2
4	5	4 ^{6/11}	4	5	4 1/2	4
5	4	4	3	5	4	4
5	5	4 ^{2/11}	5	5	5	3 1/2
5	5	4 ^{6/11}	4	5	4 1/2	4 1/2

Кандидат

Кандидат

Кандидат

Stropholobus strabus

Кандидат

Neopithecus gracilis Kaudern

Кандидат

Neopithecus gracilis Kaudern

Stropholobus strabus

Stropholobus strabus
Neopithecus gracilis Kaudern

Кандидат

Neopithecus gracilis Kaudern

Stropholobus strabus

Кандидат

Кандидат

M. F. ...

T. ...

M. ...

Секретарь M. ...

Зоолог М.Н. Римский-Корсаков

поэтому посчитал, что подобный опыт будет полезен для Д.Ф. Синицына и вдохновит его на работу с коллекциями Варшавского зоомузея. В заслугу Дмитрию Фёдоровичу ставилось то, что он уже привел в порядок обширнейшую коллекцию рыб.

Г.Г. Ульянов подписал прошение. С 1 по 15 июня 1901 года Дмитрий Федорович знакомился с зоологическими музеями Западной Европы.

Планируя научную работу, Д.Ф. Синицын при поддержке Н.В. Насонова решил, что в магистерской диссертации необходимо продолжить тему паразитологических исследований, начатую в кандидатской работе.

Д.Ф. Синицын с 11 декабря 1901 года по 7 января 1902 года принимал участие в работе XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в городе Санкт-Петербурге.

Здесь он встречался с зоологами Санкт-Петербурга, в том числе и М.Н. Римским-Корсаковым, устанавливал новые контакты.

14 декабря 1901 года, 2 марта и 27 апреля 1902 года Д.Ф. Синицын сдавал экзамены на степень магистра зоологии в Новороссийском Императорском университете. С 23 июня по 30 августа 1905 года находился в научной командировке на Мурманском берегу. 18 мая 1906 года защитил магистерскую диссертацию в Санкт-Петербурге.

Д.Ф. Синицын на XI съезде естествоиспытателей и врачей в городе Санкт-Петербурге.
Фото из личного архива С.И. Фокина ©

1
Варшава 24 мая
1906 г.

Глубокоуважаемый
Николай Михайлович!

Только вчера я вернулся домой из своей всероссийской поездки. Везде, где я был, царит небывалое воодушевление, что же касается юга, то он настроен совсем революционно. Я поехал в третьем классе и много слышал такого, чего не ожидал. Видел вчера некоторых профессоров из правых и говорил с ними о положении Варш. универ-

ситета. Угнетенное настроение у них не заметил, напротив, думают, что все скоро кончится и Варш. университет будет работать еще долго. Все таки атмосфера здесь скверная, очень хочется уйти; с нетерпением жду Вашего известия о преподавательском месте в комм. академии.

Свидетельствую почтение
Вашей супруге
Всегда преданный Вам
Д. Синицын.

© Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 1-1 об.

Российские революционные события 1905—1906 годов не прошли мимо Д.Ф. Синицына. Дмитрий Федорович писал зоологу Николаю Михайловичу Кулагину, с которым его познакомил Н.В. Насонов:

Варшава 24 мая 1906 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Только вчера я вернулся домой из своей всероссийской поездки. Везде, где я был, царит небывалое воодушевление, что же касается юга, то он настроен совсем революционно. Я поехал в третьем классе и много слышал такого, чего не ожидал. Видел вечера некоторых профессоров из правых и говорил с ними о положении Варшавского Университета. Угнетенного настроения у них не заметил, напротив, думают, что все хорошо кончится, и Варшавский университет будет работать еще долго. Все-таки атмосфера здесь скверная, очень хочется уйти; с нетерпением жду Вашего известия о преподавательском месте в комм [ерческой] академии.

Свидетельствую почтение вашей супруге.

Всегда преданный Вам Д. Синицын⁷.

Волна возмущения польских студентов сотрясала стены Императорского Варшавского университета. Кризис назрел к осени 1905 года. Неприязнь между поляками и русскими обострилась. Свыше ста русских студентов стремились покинуть Варшаву. Они не желали вмешиваться в протесты польских студентов и подвергаться угрозе физической расправы из-за политических распрей, предпочитая учиться в университете, где нет волнений, где не избивают профессоров, где есть возможность строить свою научную карьеру. Подобным местом на тот момент им представлялась Россия.

Стихия уличного насилия врывалась в академическую жизнь. 11 октября, среди бела дня, подвергся нападению профессор В.П. Амалицкий. Владимир Прохорович, известнейший геолог, специалист по древней фауне позвоночных, заведующий Палеонтологическим кабинетом, на свою беду еще в 1901 году был выдвинут от физико-математического факультета в члены Профессорского Дисциплинарного Суда, одно время был даже его председателем. Теперь на улице шестеро молодых людей избили его палками⁸. Лекции саботировались, в адрес профессоров слышались угрозы об избивении.

Улица Медовая в Варшаве, после покушения боевиков ПСП на жизнь генерал-губернатора Константина Максимовича. 19 мая 1905 года

Демонстрация в Варшаве. Осень 1905 года

В «Записке о современном положении Императорского Варшавского Университета» от 14 февраля 1906 года говорится:

«...Существование русского университета в Варшаве немислимо ни теперь, ни в ближайшем будущем. Борьба создала атмосферу, при которой нельзя существовать, которая невыносима не только для русских студентов, но и для профессоров... Единственным выходом из нынешнего тяжкого положения представляется перенесение ныне существующего Варшавского университета в один из крупных русских городов, где он, конечно, встретит сочувственное отношение со стороны всего населения и потому с особым успехом разовьет ученую деятельность вне тяжких условий национальной ненависти, нетерпимости и борьбы»⁹.

Александр Карский в статье «Е.Ф. Карский — ректор Императорского варшавского университета» писал:

«В середине августа состоялось малоприятное совещание в Министерстве Народного Просвещения. Министр П.М. Кауфман, находившийся в этой должности менее четырех месяцев, очевидно, ознакомился с «Запиской о современном положении Императорского Варшавского университета», но что-либо предпринимать не решался. Министру было едва за сорок, и, похоже, особым авторитетом в ученых кругах он не пользовался. Итоги беседы с ним ректор Варшав-

ского университета Е.Ф. Карский вкратце изложил А.В. Михайлову: «На совещании в СПбурге постановлено не открывать варшавских высших учебных заведений, а Министр в беседе со мной и Садовским высказался, что нас за ненадобностью уволят за штат; политехников уже уволили. Министр только желает, чтобы мы сами ходатайствовали об увольнении за штат, так как нам надо уйти с честью и демонстративно». Я еле упробил его подождать постановления нашего Совета по этому предмету...» (из письма от 21 августа 1906 г.)¹⁰

Заканчивается это письмо горькой констатацией факта: «Вообще в Варшаве теперь жить опасно».

На заседании Совета профессора решили заявлений об отставке не подавать и держаться до последнего, настаивая на переводе университета в какой-нибудь крупный город России. Власти ничего для этого не предпринимали. Так в бездействии и неопределенности и тянулось время.

31 октября 1906 года Д.Ф. Сеницын подал в отставку из Варшавского университета «по идейным соображениям», как пишет он сам¹¹. Сеницыны, А.К. Мордвилко, Д.М. Петрушевский и Г.В. Вульф уехали в Москву, Н.В. Насонов — в Санкт-Петербург (в Академию наук).

Москва

В Москве Синицыны поселились в здании на углу Знаменки и Моховой (в меблированных комнатах Кислухина), напротив дома Пашкова, недалеко от Императорского Московского университета.

В конце ноября 1906 года Дмитрий Федорович — преподаватель естественной истории в 9-й классической гимназии имени Ивана и Александры Медведниковых, параллельно — приват-доцент физико-математического факультета Императорского Московского университета.

Экспериментальная мужская гимназия им. И. и А. Медведниковых открылась в 1901 году, с 1903 года размещалась в Староконюшенном переулке. Она считалась правительственной, но основали и содержали ее на завещанный частный капитал при поддержке московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В условиях новой государственной реформы образования гимназию эту намеренно создавали как образцовую и самую передовую, где качественное обучение должно быть доступным и интересным для ребенка и соответствовать его возможностям и развитию. Даже здание построили по новейшему проекту, отвечающему всем требованиям педагогики и медицины (архитектор И.С. Кузнецов). Медведниковская гимназия с блеском продемонстрировала все преимущества частных гимназий перед казенными, которые характеризовались бюрократическим стилем, отчужденностью от семьи, невниманием к личности ученика и т.п. Вместе с усиленным изучением русской истории и литературы здесь отдали предпочтение общему, а не узкоспециальному образованию. Специализация в младших классах была признана вредной, так как у детей этого возраста еще не проявляются их подлинные способности и склонности. Отношение к физкультуре тоже изменилось. Если раньше гимнастику преподавали факультативно, то теперь, согласно европейскому опыту и древнегреческому понятию гимназии как места для гармоничного развития ума и тела, ввели регулярные занятия. В Медведниковской гимназии приняли шведскую гимнастику в качестве обязательной дисциплины, а также строевую подготовку и фехтование. Факультативным остался ручной труд — столярное ремесло, которым занимались желающие. Одним из важнейших признали наглядный метод обучения. Даже для занятий Законом Божиим сделали наглядные пособия. Гимназисты посещали ближайшую церковь для ознакомления с устройством православного храма и изучения церковной утвари.

В гимназию им. И. и А. Медведниковых поступали дети аристократии и интеллигенции. Плата за обучение составляла 300 рублей в год, но некоторых учеников от нее освободили. Л.В. Собинов, у которого здесь учились сыновья, устраивал благотворительные концерты в пользу учащихся. В дореволюционное время

1. Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. Миусская пл., 6

2. Дом Пашкова

3. Московский императорский университет

4. Меблированные комнаты Кислухина

ИИ

Москва

6. Московская женская гимназия им. Л.О. Вяземской

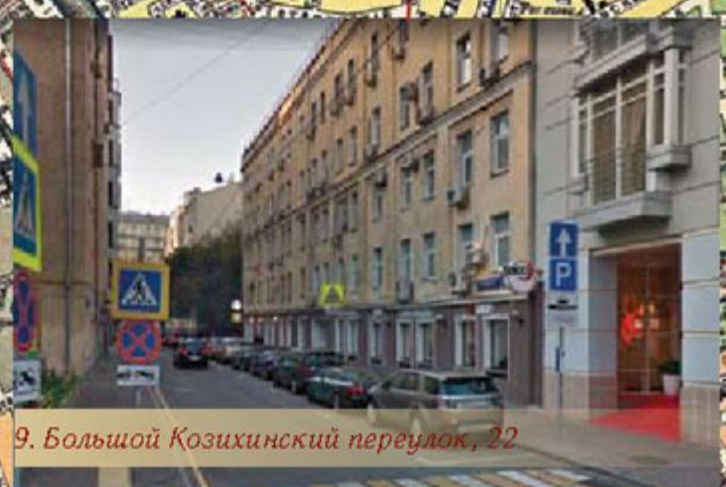
5. Гимназия Медведниковых в Староконюшенном переулке

7. Большая Никитская, дом Семенковича (справа)

8. Большой Афанасьевский пер., д. 27

9. Большой Козихинский переулоч, 22

193. Москва. Ст.-Конюшинская Археологический Институт и Гимназия им. Медведниковых.

Парадный зал гимназии

ГИМНАЗИЯ МЕДВЕДНИКОВЫХ

Здание гимназии им. Медведниковых в Староконюшенном переулке

гимназия стала образцом не только для казенных, но и для частных гимназий, прежде всего женских¹².

Директор гимназии Василий Павлович Недачин, понимая все нюансы совмещения преподавательской работы в университете и в гимназии и связанную с этим бюрократическую волокиту, написал письмо на имя ректора Императорского Московского университета:

20 ноября 1906 г.

Вследствие отношения от 18 сего ноября за № 3164, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что магистр зоологии Дмитрий Фёдорович Сеницын ещё не утверждён в должности преподавателя естествознания во вверенной мне гимназии, причем вопрос о его назначении таковым лишь дело времени. Г. Попечителю Московского Учебного Округа мною он уже представлен, находится в зависимости от некоторых формальных справок, и препятствий к его разрешению в благоприятном для Сеницына смысле не предвидится. При сем имею честь удостоверить, что и по утверждении г. Сеницына в означенной должности по Медведниковской гимназии с моей стороны не будет никаких препятствий для предоставления ему должности Приват-Доцента вверенного Вам Университета. Копия формулярного списка о службе г. Сеницына будет выслана

Во дворе гимназии

по получению таковой от г. Ректора Варшавского Университета, которому мною уже сделан соответствующий запрос.

Директор В. Недачин.

Письмоводитель Н. Введенский¹³.

С 1 июля 1907 года Д.Ф. Сеницын начал работать учителем естествознания и географии еще и в Московской женской гимназии им. Л.О. Вяземской, находившейся в Колпачном переулке в районе улицы Покровки. В этой гимназии ученицы получали чисто «женское» образование, согласно представлению о нем в светском обществе. Например, о решетчатых червях, которых изучали в гимназии Хвостовой, здесь понятия не имели, хотя изучали общие начала естественных и гуманитарных наук, но рукоделию, труду, рисованию, пению и прочим «женским качествам» уделялось много внимания.

Основным местом работы Д.Ф. Сеницына оставался Московский императорский университет, где в долж-

Дорогой Николай Михайлович! УЛД
 Целый день я сегодня пытался поговорить с
 Вами по телефону, но тщетно — вероятно, Ваш теле-
 телефон снова испортился. У меня к Вам
 большая просьба: мне нужны для моей ра-
 боты дождевые черви, которых в университет-
 ском дворе не имеется. Наверно у Вас в Петров-
 Разум. их много. Будьте добры просите Ваше-
 го сотрудника накопать для меня штук 30-50.
 Если он у Вас имеет время, то пусть уложит
 их вместе с достаточным количеством
 земли в короб. Друзья и привезет их в лабо-
 раторию проф. Огнева, там их примут
 служители. За дорогу и хлопоты я, ко-
 нечно, заплачу. Вперед благодарю Вас и жму Вашу
 руку Ваш Д. Синецкин.

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 2

ности приват-доцента он читал лекции по зоологии и вел практические занятия.

Из письма Н. М. Кулагину:

Дорогой Николай Михайлович!

Целый день я сегодня пытался поговорить с Вами по телефону, но тщетно — вероятно, Ваш телефон снова испортился. У меня к Вам большая просьба: мне нужны для моей работы дождевые черви, которых в университетском дворе не имеется. Наверно, у Вас в Петров[ско]-Разум[овском] их много. Будьте добры, просите Вашего сотрудника накопать для меня штук 30-50. Если он у вас имеет время, то пусть уложит их вместе в достаточном количестве земли в деревянный ящик и привезет их в лабораторию проф. Огнева, там их примут служители. За дорогу и хлопоты я, конечно, заплачу. Вперед благодарю Вас и жму Вашу руку.

Ваш Д. Синецкин¹⁴.

В 1908 году Синецкины переезжают в тихий и спокойный дом 27 в Большом Афанасьевском переулке. В этом доме, предназначенном для мраморной мастерской (архитектор А.С. Каминский), вместе с Дмитрием Федоровичем и Антониной Антоновной комнаты делит известный скульптор и график Николай Андреевич Андреев — автор памятников Н.В. Гоголю, А.Н. Островскому, Ф.П. Гаазу, А.И. Герцену, Н.П. Огареву.

В 1908 году Дмитрий Федорович становится преподавателем в Московском народном университете им.

А.Л. Шанявского. Именно в это время Д.Ф. Синецкин впервые проникся идеей свободного, независимого, автономного высшего учебного заведения, которая впоследствии ляжет в основу его проекта Нижегородского университета.

В 1908 году (по всей видимости) у него начался разлад с женой. Дмитрий Федорович познакомился с Людмилой Ивановной Петринской. Косвенно об этом говорят воспоминания Ивана Ивановича Пузанова о пребывании Синецкина на Севастопольской биостанции в 1909 году.

Скептически высказался и Зернов (директор биостанции — М.Т., Н.С.) в отношении жены третьего московского зоолога, приехавшего на станцию — гельминтолога Дмитрия Фёдоровича Синецкина, читавшего в Москве приват-доцентский курс:

— Иван Иванович, вы — москвич, объясните мне Христом-богом, какая же из жён Синецкина — настоящая? — обратился ко мне Зернов, после того, как Синецкин уединился в отведённую ему лабораторию с молодой женщиной, которую он представил в качестве своей супруги. — А то приезжает на станцию уже третий раз и каждый раз с новой женой.

Д.Ф. Синецкин — сын протоиерея и бурсак по первоначальному образованию был в те времена настоящим красавец-мужчина с правильными чертами лица и умными насмешливыми глазами. Одет он был элегантнее самого Коппа — в безукоризненный фланелевый костюм. Впоследствии он много сделал для изучения паразитических

Бот «Александр Ковалевский»

трематод Черного моря, но в описываемый период просто проводил в Севастополе часть своего «медового месяца»¹⁵.

Из этих воспоминаний ясно, что, если речь идет о «медовом месяце», то уже в 1909 году Д.Ф. Синицын и Л.И. Петринская были женаты.

17 июля на «Ковалевском» мы совершили более длительную экскурсию в Казачью бухту, почти к самому Херсонесскому маяку.

Отправились мы рано, в 5 часов. Помимо моториста Кондрата Григорьевича и рыбака Максима, который заменял занятого на станции Михаила Соловьёва, в поездке приняли участие М.И. Тихий, В.В. Редикорцев, Д.Ф. Синицын с женой и я. За неимением на станции достаточного количества бензина шли на парусе. Прибыв на место назначения и укрывшись от ветра, мы бросили якорь, так как вследствие усилившегося ветра драгировать было нельзя. Остаток дня мы провели на пустынном берегу, совершив экскурсию на утесистый обрывистый юго-западный берег Херсонесского полуострова, который, постепенно повышаясь, переходит в грандиозные утёсы мыса Фиолента. Возвращаясь после заката солнца, мы размышляли о том великолепии, которое, вероятно, представляется взору путешественника, который пересекает пустыню Тихого океана,

приближается к побережью Чили и созерцает встающую из волн грандиозную стену Кордильер! Как и где мы провели теплую июльскую ночь — на берегу или на «Ковалевском», право, не упомяну. К утру ветер упал, и море успокоилось, так что мы с 6 часов могли начать драгировку, сделав 5 станций, начиная с глубины 32 саж. И дойдя до глубин 8–9 саж. На первой станции мы попали на ил с мидиями и битой ракушкой, на последней — на каменную плиту, поросшую водорослями *Cystoseira*, *Leurentia*, *Polysiphonia* с большой фауной амфипод, нематод и мелких крабов. Возвращались мы уже после обеда при умеренном ветре, красиво накренившем «Ковалевского». Весьма умеренной волны было достаточно, чтобы заставить подругу Синицына пережить все муки морской болезни и принести невольную жертву Нерею. В то время, как чета Синицыных изнывала в каюте, мы с В.В. Редикорцевым и М.И. Тихим блаженствовали на её крыше, наслаждаясь теплым Зефиром и божественным закатом¹⁶.

Немного о Людмиле Ивановне Петринской, ставшей верной спутницей Д.Ф. Синицына до своей трагической смерти в 1932 году.

Родилась 16 сентября (по старому стилю) 1886 года в селе Крутенькое Балтского уезда Подольской губернии в семье священника Ивана Яковлевича Петринского.

Л.И. Синицына среди слушательниц Московских высших женских курсов. 1913 год

19 июня 1902 года Л.И. Петринская с отличием окончила 6 классов Тульчинского епархиального училища, 8 июня 1903 года — седьмой класс 2-го Киевского женского училища. По окончании училища поступила на должность учительницы земской школы в имении Карловка (Полтавская губерния), принадлежавшем великой княгине Екатерине Михайловне, где числилась до сентября 1909 года.

В 1909 году была принята в число слушательниц медицинских курсов П.Г. Статкевича.

Осенью 1910 года ее зачислили на естественное отделение физико-математического факультета Московских высших женских курсов, где Л.И. Синицына обучалась зоологическим наукам под руководством В.А. Кольцова и А.Ф. Котса.

В Москве, в квартире на Большой Афанасьевской осталась А.А. Синицына. Дмитрий Федорович и Люд-

мила Ивановна Синицыны поселились на Большой Никитской в доме Семенковича (№ 22), кв. 22.

Антонина Антоновна Синицына жила за счет организованной ею скульптурной студии, за небольшую плату предоставляя станки и глину желающим заниматься лепкой. В ее студии начали обучение такие известные скульпторы, как Софья Филипповна Розенталь, Вера Игнатьевна Мухина.

В.И. Мухина вспоминала, что «Синицына не руководила учащимися, и порой понимание простейших истин приходилось добывать тяжкими усилиями, большим потом. Даже инструменты — и те брались наугад. Даже каркас — как научиться провидеть его крепость, соизмерить, какую тяжесть сможет он принять на себя, что в нем поможет движению будущей фигуры? Но в этом же было и благо: ремесленная часть работы, тая в себе элементы открытия, становилась увлекательной. Отрабатываемые в этюдах движения рук,

умение прощупывать формы глазом, угадывать глубину впадин и выпуклостей — все это воспринималось как счастливые находки... Она, хоть и предана искусству, сама лепит, как бог на душу положит»¹⁷.

В мастерскую А.А. Сеницыной изредка заходил скульптор Н.А. Андреев. Правда, по воспоминаниям В.И. Мухиной, «не учил, не давал советов, не интересовался ее работами».

О дальнейшей судьбе первой жены Д.Ф. Сеницына нам известно немного: в 1918 году «по инициативе Председателя Совнаркома товарища Ленина комиссар народного просвещения сделал в заседании 27 мая предложение Художественной коллегии поставить памятники лицам, выдающимся в области революции и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусства. Памятники должны быть поставлены на бульварах, скверах и т. д., во всех районах г. Москвы с высеченными выписками или изречениями на постаментах или антуражах, чтобы памятники эти явились как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели бы свежие слова, будирующие умы и создание мысли»¹⁸.

Работу над памятником А. Желябову начала скульптор А.А. Сеницына, но так и не завершила.

В августе 1910 года Д.Ф. Сеницын подал прошение об увольнении из женской гимназии А.О. Вяземской. Председатель педагогического совета гимназии — математик А.Ф. Гатлих писал в канцелярию Императорского Московского университета: «Препровождая при сем формулярный список бывшего штатного преподавателя вверенной мне гимназии приват-доцента Университета Дмитрия Фёдоровича Сеницына, имею честь уведомить, для внесения в формулярный список, что г. Сеницын распоряжением г. Попечителя Московского учебного округа от 28 сентября с.г. за № 31377 уволен, согласно прошению, от службы в гимназии с 20 августа с. 1910 г.»¹⁹

Сосредоточив усилия на написании диссертации, Сеницын поехал летом на Севастопольскую биологическую станцию, где собрал богатый материал для своей будущей научной работы и одновременно сформировал основу зоологической коллекции Московского народного университета им. А.Л. Шанявского.

Новогоднее поздравление Н.М. Кулагину от Сеницына из Жмеринки, где Дмитрий Федорович и Людмила Ивановна гостили у А.М. Быкова, коллеги по зоологическому музею Варшавского университета, очередной раз демонстрирует широкую географию перемещений Д.Ф. Сеницына.

Возвратившись в Москву, Сеницын застал не самые лучшие перемены в области политики образования. В 1910 году во главе Министерства народного просвещения поставили Л.А. Кассо, предпринявшего ряд мер, направленных на усиление государственного контроля над учебными заведениями, в частности — на ограничение университетской автономии.

Университеты воспринимались государственной властью как рассадники неблагонадежности, что приводило к постоянным ограничениям в их деятельности. Меры, принятые Л.А. Кассо для подавления студенческих беспорядков в Московском университете в начале 1911 года, заставили ректора А.А. Мануйлова, его помощника М.А. Мензбира и проректора М.А. Минакова подать в отставку. Кассо отставку принял, фактически поддержав полицию. После этого университет демонстративно покинули 130 преподавателей и сотрудников, в том числе 21 профессор²⁰. Дмитрий Федорович позже так писал об этом: «В 1911 году я вместе с лучшими представителями московской науки выступил в защиту автономии, против посягательств на нее со стороны правительства и вышел из Московского университета»²¹.

Письмо Кулагину от 14 апреля 1911 года Д.Ф. Сеницын отправил из Григорьевки-на Конке Екатеринбургской губернии, где гостил у сестры.

Дорогой Николай Михайлович!

Здесьняя «весна» стала для меня роковой. Я простудился так основательно, что не рискну при таких условиях поехать в Москву. Я поручил Шапошникову (ассистент Д.Ф. Сеницына в университете Шанявского — М.Т., Н.С.) на втором и на первом курсе вместо лекций в те же самые дни часы сделать практические занятия, так что объявлять слушателям о том, что мои лекции не состоятся, не нужно. Слушатели от моего отсутствия потеряют немного, так как я, заранее предвидя, что их после пасхи будет очень мало, курс лекций закончил, а после пасхи сумел организовать для них вместо лекций практические занятия.

Относительно будущего года я прошу Вас, Николай Михайлович, заявить в факультет следующее. Для слушателей 3-го года я думаю организовать «занятия по зоологии позвоночных» и прошу вставить в расписание этот предмет

Дорогой Николай Михайлович! 3
 Поздравляю Вас и Анну Юрьевну с
 Новым годом и желаю Вам всего
 благо. Сейчас я пишу у А.М. Быкова
 в Жмеринке, катаракта Вам передаст
 „очень большой поклон“. Вы знаете три-
 четиры — эти именины Виктории.
 Крестик Анне Вам пишу
 Ваш Д. Сеницын

Профессора Московского императорского университета, подавшие в отставку в 1911 году

в количестве 3-х часов в неделю (разбивать их на части нельзя). Никаких дополнительных ассигнований против прошлогодней статьи не потребуется, так как я уже получаю за занятие с 3-м годом (эта сумма идет на вознаграждение ассистентов).

Что касается программ, то я думаю, что следовало бы сделать в моих — следующие изменения: на первом курсе оставить только эволюционную теорию, а сравнительно-анатомический обзор выкинуть; на 2 курсе вычеркнуть Vertebrata (Позвоночные животные — М.Т., Н.С.), так как им будет посвящен третий год. Впрочем, я не буду настаивать на этих изменениях, и если Вы найдете почему-либо это не удобно, то можно оставить программы прошлогодние.

Если будет обсуждаться вопрос о расписании лекций, то я бы просил оставить расписание по-

старому, а для третьего года отвести вторник или субботу.

Я вернусь в Москву в начале июля, так как около этого времени будут идти курсы для учителей Московского уезда, на которых и я участвую.

Хочу заняться здесь фауной Sprotozoa. Так как реки близко нет, то придется обратиться за этим к сухопутным беспозвоночным (Рядом речка Конка — М.Т., Н.С.).

Желаю Вам и Анне Юльевне всего хорошего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Д. Синицын.

Адрес: Григорьевка-на-Конке Екатеринославской губ. Священнику села Веселянки О. Добровольскому для передачи мне²².

Веселянка 20 мая 1911 г.

7
14 апреля 1911.

Дорогой Николай Михайлович!

Знаешь, я вчера стала для меня, пожалуй, с трудом такая ошеломлена, что не рискну при таком положении вещей в Москву. Я пишу тебе Митинскому на основании на первом курсе. Впервые лекции в этом смысле для тебя представляю практические занятия, так что избежать изнурительной о том, то мои лекции не возможны и не нужно. Считай же, что моего присутствия потребуют не много, так как я заранее предвижу, что их после папки будет еще мало, курс лекций закончен, а после папки официально оформились из них вместо лекций практические занятия.

Относительно будущего года я пишу тебе, Николай Михайлович, давай же в-

практических занятиях. Из этого следует 3го года я думаю ориентироваться, но в этом отношении и пишу тебе, чтобы в отношении этого предмета в казенных 3го годов в нем (разбирается на два курса). Никаких дополнительных оснований против продолжения этого не потребуют, так как я уже наперед за занятия в год (эта сумма идет на вознаграждение ассистентов).

Что касается практики, то я думаю, что необходимо бы было бы в этом смысле: на 1 курсе составило только эволюционную теорию, а в следующем абстракт выкинуть; на 2 курсе вычеркнуть Vertebrata, так как там будет посвящено третий год. Вопрос с будущим годом на этот предмет и если бы найдешь возможность это изложить, то можно считать устроены продолжения.

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 4, 4 об, 5

Зоолог
Н.М. Кулагин

Дорогой Николай Михайлович!

Из газет я узнал, что Вы еще в Москве и потому спешу написать Вам. Я сижу в таком укромном уголке, в который вести со всего мира доносятся с трудом и только 3 раза в неделю. Благодаря этому я стал все меньше и меньше волноваться тем, что я не в Москве, и что там без меня делается; тем не менее, я чувствую сильную потребность поговорить с Вами и узнать от Вас о том,

Воскресенье
20 мая 1911. 6

Дорогой Николай Михайлович!

Про газету я узнаю, что Вы еще в Москве и пишу тебе письмо написать тебе. Я сижу в таком укромном уголке, в который вести со всего мира доносятся с трудом и только три раза в неделю. Благодаря этому я стал все меньше и меньше волноваться тем, что я не в Москве, и что там без меня делается; тем не менее я чувствую сильную потребность поговорить с Вами и узнать от Вас о том, что происходит в Москве и у Вас. За эти два месяца я не пишу тебе ни одного письма, только

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 6, 6 об, 7

5
Если будем обдумывать вопросы о росси-
йских лекциях, то я бы предложил оставшить
две лекции по этиологии, а две переде-
ло года отвести вторички или еубоню.

Я вернусь в Москву в начале июля,
так как около этого времени будут
идти курсы для учителей Московского
уезда, на Камарин и на Угличскую.

Хоту заняться здесь сразу про-
гозою. Так как ртуть близко пить,
то придется обратиться за жидк.
к существующим безвозможностям.

Благодарю Вас и Анну Николае-
вну хорошо кратко пишу Вам
письмо.

Ваша Д. Симицына.

Адрес: Григорьевка-на-Конки Екатеринбург
уф. Овощинскую села Веселки О. Доброволь-
скому для передачи мне.

Ассистент
Д.Ф. Симицына
по университету
Шаняевского зоолог
Б.Н. Шапошников

Вчера от Мордвилки получил открытку
из Петербурга, где он извещает
меня, что в Москве он уже рас-
прощался и что у него родилась
дочь. Между тем, судя по газетам,
в Москве идет жизнь, не уменьшая
темпа: Шаняевский организует курсы
для городских учителей, начинается
стройка здания университета. Ин-
тересно было бы узнать от Вас на
этот счет, и также о вольной академии
и институте экспериментальной биологии.

А что это ничего не слышно о
рыбном отделении? Неужели дело
это отложилось в долгий ящик?

Напишите мне обо всем этом,
Николай Михайлович, любящий,
как то давно обидно, что живущим
без совершенно никаких дел.

Будете ли вы в первой половине

7
июля в Москве? Если да, то я
с Вами там увижусь, так как
в это время предполагается зем-
ские курсы для учителей.

Выдвигаясь свое почтение
Анне Николаевне и Анну Николае-
вну

Ваша Д. Симицына.

Мой адрес:

Григорьевка-на-Конки
Екатеринбургской уф.
Овощинскую села Веселки О. Добро-
вольскому для Анны.

С интересом буду
ждать Вашего письма.

что прогнозировали за апрель и май в Москве
и у Вас. За эти два месяца я не получил из Москвы
ни одного письма, только вчера от Мордвилко по-
лучил открытку из Петербурга, где он извещает
меня, что с Москвой он уже распрощался, и что
у него родилась дочь. Между тем, судя по газетам,
в Москве идет жизнь, не уменьшая темпа:
Шаняевский организует курсы для городских учи-
телей, начинается стройка здания университе-
та. Интересно было бы узнать от Вас на этот
счет, и также о вольной академии и институте
экспериментальной биологии. А что это ничего
не слышно о рыбном отделении? Неужели дело
это отложилось в долгий ящик? Напишите мне

Дорогой Николай Михайлович!

До последнего времени я не получал никаких известий из Петербурга. Это как-нибудь стало загадочным и я написал А. К. Мордвинову, что бы он ездил к Слободчикову и узнал о моем деле. А. К. было так добро, что немедленно мне сообщил по Слободникову, который сказал мне следующее: (перешагиваясь письмом Мордвинову)

«Сначала зашел к Слободникову. Он сказал, что „как говорится и было“ (это правда!), впрямь принципиально ртыши, но они дадут соответствующее приветствие, Моск. К. Д. Института. И это значит, чтобы у нас было взаимное толку, то они пожелают не кто-л. введи, а по известным основаниям, почему они пожелают не Ивану, а Петру. Витя приветствует Дмитрия Константи-

васию на непредвзятом фоне. Я знаю двадцать два благодарительных письма Браненникова и такие отношения к нам, французское удивительно; возмущило меня во глубине души. Я очно сказал, что Ваш фронт небом, наша бы пожелать вам, медведю нашим. Это требовало немедленно действия с моей стороны и я на французском, ергодна, нашего пожелания и успокоившись, написал и пожелал знакомым Слободникову следующее письмо (перешагиваясь письмом М. Ф. Д. Д.):

По Вашей приглашению, передающему императорскому А. М. Крашinsky, я приехал к Вам в Петербург и сейчас пишу от Вами бедны по поводу моего заявления о командировке за границу для участия в работе. Выставка сообщением мне, что Д. С. ртыши пожелать мне с изащиты на Амур за границу при содействии

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 14-16 об.

Браненников, который теперь в Москве, и тогда было совершенно разграничено. Привести в начало августа. Я уже не узнал было поварить, что бы извещивали свои дела в Москве, но почему ездил бы туда. На это вы сказали что не в робы того, кто вы так втащили же дождавшись окончательно ртыши. Когда вы сказали что Ваше дело зависело от Д. С. Института, то я сказал, что там все несомненно сообщит мне приветствие, Слободников так же заметил, что „пожалуй, видя это вы от Кулакина зависели“....»

Можете себе представить, Николай Михайлович, в каких условиях я принимал, когда получил это письмо?! Я уже совсем ездил в Париж, анжарил от кварты, едем в свои вещи и про. и про. и это же, командировка снова анжарил-

извещивать от мой старым заявления. Я тогда выразил Вам свое согласие и от Вами ергодна пожелать пожелание отловимы командировку в конце изащиты, что бы можно было извещивать свои дела в Москве. На третий день по возвращении в Москву я сообщил Вам требовались от меня заявление и маршруты предисловия к работе и заявления подготовкой на отпуску за границу. Не получив от Д. С. никакого извещения о своем деле, я пожелал сообщить А. К. К. Мордвинову справляясь в Венерте с приемом заявления. Он написал мне, что вы был у Вася и говорил от Вами и что вы ему сказали, что выехать от моей командировки в Вен. ртыши только принципиально и что вы видели какого то представителя от Моск. К. Д. Института, к которому, кем бы сказали, никакого официально отношения с не нами».

16,
Такой ответ обидел для меня совершенно
неосведомленно, так как никогда прежде
не было речи о недовольстве какого-либо
представителя со стороны Института;
и это даешь лишь повод заключить, что
деп. переменил свое решение относительно
меня, своеобразно об этом мне не
уведомивши.

Как я уже писал Вам, я ликвидировал
все свои дела и указал им всем
обязательство в предположении выплаты
за границу в конце июля, как было у моего
отца.

Взвешав свои возможности командировки не состо-
итесь, с дальнейшим выхождением своих дел
в Москву - и это не терять отлагательств.

Я могу еще видеть от деп. Зем. официаль-
но уведомивши о моей командировке
до 5 августа, и, если такового не последует,
я буду считать себя свободным от обя-

зательств по отношению к деп. Зем.
и предположил пойти через департамент
безуспешно.

Примите увер... >>

Я думаю, что Вы обратитесь с этим
делом, чтобы вы ликвидировали наши дела,
уже два года тому назад аванс, кото-
рый мне стоило столько же, сколько
всего и всего. Тогда я теперь благодарю
Слободчикову о помощи прямо так в
вращениях и будущих делах материально-
положении не сказать на то что на пер-
вый заработал 400 руб.

Примите увер... - здравый, великий, Веко -
ры опять издается в Веркино.

Во свидании, цитируя Вас

Ваш Д. Синицын

Анна Николаевна мой правитель и
повелевший все сделать.

обо всем этом, Николай Михайлович, пожалуй-
ста: как-то даже обидно, что чувствуешь себя
совершенно покинутым.

Будете ли Вы в первой половине июля в Москве?
Если да, то я с Вами там увижусь, так как в это
время предполагаются земские курсы для учителя-
лей.

Свидетельствую свое почтение Анне Юльевне
и жму Вашу руку.

Ваш Д. Синицын

Мой адрес: Григорьевка-на-Конке Екатеринос-
лавской губ.

Священнику села Веселянки О. Добровольскому
для меня.

С нетерпением буду ждать Вашего письма²³.

Дорогой Николай Михайлович.

До последнего времени я не получил никаких из-
вестий из Петербурга. Это, наконец, стало за-
гадочным, и я написал А.К. Мордвилко, чтобы
он сходил к Слободчикову и узнал о моем деле.
А.К. был так добр, что немедленно сходил к Сло-
бодчикову, который сказал ему следующее: (пе-
реписываю с письма Мордвилко)

«Сегодня заходил к Слободчикову. Он сказал,
что "как говорил и Вам" (это неправда!), во-
прос принципиально решен, но они ждут соот-
ветствующего представителя Моск[овского]
С[ельско]-Х[озяйственного] института. И это
затем, чтобы у них было оправдание тому, что
они посылают не кого-л[ибо] вообще, а по из-
вестным основаниям, почему им посылают не
Ивана, а Петра. Вот придет Дмитрий Констан-
тинович Бражников, который теперь в Москве,
и тогда дело совершенно разрешается. Придет
в начале августа. Я уже не думал было гово-
рить, что Вы ликвидировали свои дела в Москве,
но потом сказал все-таки. На это он сказал,
что-то вроде того, кто же так делает, не до-
ждавшись окончательного решения. Когда он
говорил, что Ваше дело зависит от Сел[ьско]-
Хоз[яйственного] Института, то я сказал, что
там Вас несомненно выберут или представят,
Слободчиков также заметил, что "конечно, ведь
это же от Кулагина зависит..."».

Можете себе представить, Николай Михайлович,
в какое состояние я пришел, когда получил это
письмо?! Я уже совсем собрался ехать, отказался
от квартиры, сбыв часть вещей и проч. и проч.,
и что же, командировка снова откладывается на
неопределенное время. Я ясно увидел здесь благо-
детельную руку Бражникова и такое отношение

ко мне, форменное издевательство, возмутило меня до глубины души. Я очень жалел, что Вас здесь не было, нельзя было посоветоваться, между тем, дело требовало немедленного действия с моей стороны, и я на другой день, сегодня, немного поостывши и успокоившись, написал и послал заказным Слободчикову следующее письмо (переписываю копию): «М[илостивый] Г[осударь] Дм[итрий] Як[овлевич]!

По Вашему приглашению, переданному мне профессором Н.М. Кулагиным, я приехал к Вам в Петербург и 17 июня имел с Вами беседу по поводу моего заявления о командировке за границу для изучения рыболовства. Вы тогда сообщили мне, что Деп[артамент] З[емледелия] решил послать меня с июля месяца на 1 год за границу при соответствующем с моей стороны заявлении. Я тогда выразил Вам свое согласие и с Вашей стороны получил позволение отложить командировку до конца июля, чтобы иметь время ликвидировать свои дела в Москве. На третий день по возвращению в Москву я послал Вам требовавшиеся от меня заявление и маршрут предполагаемой поездки и занялся подготовкой к отъезду за границу. Не получая от Д[епартамента] З[емледелия] никакого извещения о моем долге, я попросил зоолога П[етербургской]. Ак[адемии]. Н[аук]. А.К. Мордвило справиться в Департ[аменте] о причине замедления. Он написал мне, что он был у Вас и говорил с Вами, и что Вы ему сказали, что вопрос о моей командировке в Деп[артаменте] решен только принципиально и что Вы ждете какого-то представления от Моск[овского] С[ельско]-Х[озяйственного] Института, к которому, кстати сказать, никакого официального отношения я не имею.

Такой ответ явился для меня совершенной неожиданностью, так как никогда прежде не было речи о необходимости какого-либо представления со стороны Института; и это дает мне повод заключить, что Деп[артамент] переменял свое решение относительно меня, своевременно об этом меня не уведомили.

Как я уже писал Вам, я ликвидировал уже все свои дела и отказался от всех обязательств в предложении выехать за границу в конце июля, как было у нас решено.

В случае, если моя командировка не состоится, я должен снова устроить свои дела в Москве, и это не терпит отлагательств.

Я могу еще ждать от Деп[артамент] Зем[леделия] официального уведомления о моей командировке до 5 августа, и, если такового не последует, я буду считать себя свободным от всяких обязательств по отношению

В.К. Бражников,
ихтиолог

к Деп[артаменту] Земл[еделия] и предложение многих услуг департаменту беру обратно.

Примите уверения...».

Я думаю, что Вы одобряете содержание этого письма, нужно же положить конец этой уже два года тянувшейся авантюре, которая мне стоила столько беспокойств, волнения и сил. Ведь я теперь, благодаря Слободчикову, очутился прямо-таки в дурацком и материально безвыходном положении, несмотря на то, что на курсах заработал 400 руб.

Приехал Вульф — здоровый, веселый. Вскоре опять уезжает в деревню.

До свидания, целую Вас, Ваш Д. Синицын. Анне Юльевне мой привет и пожелания всего лучшего²⁴.

Москва 5 августа 1911 г.

Дорогой Николай Михайлович!

До сегодня я не получил из департамента ответа на свой «ультиматум» и таким образом можно считать все дела о кафедре рыбоводства для меня законченными. По правде сказать, я даже рад такому концу, так как это избавит меня от различных неожиданностей, которыми в буду-

Москва 8
5. Авг. 1911.

Дорогой Николай Михайлович!
До сегодня я не успел из департа-
мента объявить на этой "улыбши-
тудии" и таким образом любимо-
сти все это о кафедру рыбо-
водства для меня покончено.
Но право сказать я даже раз-
такому концу, так как это
убавит мне от различных
назначений, которыми в буду-
щем могло бы меня угостить ми-
нистерство после однодневной ко-
мандировки.

Итак я остаюсь в Москве
и Вам не придется себя отго-
щать моими лекциями в унив. Ша-
нявского и искать для народного уни-
верситета лектора.

Мне денежное положение неважное и все 440
руб., которые я получал от Моск[овского] Зем-
ства за лекции, целиком истрачены благодаря
департаменту Земледелия. Я надеюсь, Нико-
лай Михайлович, что место Вашего ассистента
в коммерческом институте Вы предоставите
мне, иначе мне придется объявить себя
банкротом.

Так как в Москве мне делать нечего и не на что
жить, то я завтра уезжаю в деревню к сестре и
вернусь сюда, должно быть, к 10 сентября. Если
захотите написать, мой адрес: Григорьевка-на-
Конке Екатеринославской губ. Священнику села
Веселянки О. Добровольскому, для меня.

Жму Вашу руку Д. Сеницын²⁵.

Требуется пояснение к этим письмам. При сельхозин-
ституте Н.М. Кулагин и Д.Ф. Сеницын планировали
организовать кафедру рыбоводства. По традиции,
перед организацией кафедры надо было съездить за

Г.В. Вульф, минералог,
коллега Д.Ф. Сеницына
по Варшавскому университету

Мне денежное положение неважное и все 440
руб., которые я получал от Моск[овского] Зем-
ства за лекции, целиком истрачены благодаря
департаменту Земледелия. Я надеюсь, Нико-
лай Михайлович, что место Вашего ассистента
в коммерческом институте Вы предоставите
мне, иначе мне придется объявить себя
банкротом.

Так как в Москве мне делать нечего и не на что
жить, то я завтра уезжаю в деревню к сестре и
вернусь сюда, должно быть, к 10 сентября. Если
захотите написать, мой адрес: Григорьевка-на-
Конке Екатеринославской губ. Священнику села
Веселянки О. Добровольскому, для меня.

Жму Вашу руку Д. Сеницын²⁵.

Требуется пояснение к этим письмам. При сельхозин-
ституте Н.М. Кулагин и Д.Ф. Сеницын планировали
организовать кафедру рыбоводства. По традиции,
перед организацией кафедры надо было съездить за

1
Москва, Ботт. 1911г.

Дорогой Александр Константинович!
Самые твердые попытки мы к нему не
привели: Ваши лаловы я так и
не нашел. На моем столе лежат
ручки, которые Вам в эти дни
мне очень и понравились.

Дела мои по прежнему в очень
плохом состоянии: кроме надежд
пока ничего нет. Ваши дела
повидимому тоже не вадны.
Щенотьевы диссертация в Москве
не пошла: Коневниковы отказались
ее принять на том основании, что
сам он не специалист по этим
вопросам, а знакомые его специали-
сты не одобряют его работы: "Выр-
ешь бы Стереву, согласная подтверждать
Вашу, тогда бы я принял Вашу диссер-

2
по географии и триломитам. Мама
судящая за Кузьмича, а Семико-
виль, надмир, не тот и наш
выборивший. В той квартире,
где при Вас жил твой,
поселился Трубац, так что
на моем же стало веселье!!!

Целую Вас

Ваш Д. Сеницын.

Нужно кланяться Марии Ивановне
и убого Дмитрия и просить детей.

Дан Людмила, очень
приветлив и любезна.

P.S.

Ваша Фаня живет у наших сосе-
дей и возможно торгует у нас
на кухне, или Мама торгует у
нас.

© СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 1, 1 об., 2

705
тацию", сказал он ему. Щенотьевы
нашли прощенья Стерева, а тот
ему отказал. Так и звали Щен-
отьевы со своим вращением!

О нем говорят, что он был у
Шевякова, и просил назначить его
на какую-нибудь байкопирскую
должность кафедру. Шевяков
будто бы сам это предложение
предлагал в своей лаборатории.

Ну, тогда, больше не знаю.
Все идет по старому. Недавно был
собрание биологического кружка, на ко-
тором докладывали африканцы о
своей экспедиции на Ниле за полуртом
и дериватом. ... интересно! Кулагин
так же легко и легко торкает,
а я не менее легко и легко торкаю
по лекциям, Людмила очень похва-
ляет В. Курен и ругает за дава-

границу, «набраться опыта». Но прежде требовалось
получить разрешение Департамента земледелия, воз-
главлял который Д.Я. Слободчиков. Д.Я. Слободчиков
ждал приезда с Дальнего Востока Владимира Констан-
тиновича Бражникова, который получил должность
старшего специалиста по рыболовству. Если бы
Д.Ф. Сеницыну хватило терпения и выдержки не пойти
на поводу эмоций, то, возможно его судьба сло-
жилась бы по-другому. Однако характер у него был
вспыльчивый и решительный. Дмитрий Федорович
принимал решения быстро. Уверенный в своей право-
те, ставил ультиматумы власти предержащим чинам.
Был легок на подъем (январь 1911 года — Жмеринка,
Москва, Санкт-Петербург, февраль 1911 — Москва,
апрель-май — Григорьевка-на-Конке, июнь — Санкт-
Петербург, июль — Севастопольская биостанция, ав-
густ — Москва, август — Григорьевка-на-Конке, сен-
тябрь — Москва). В это же время успевал работать
над диссертацией!

В 1911 году В.К. Бражников и Д.Я. Слободчиков соз-
дали лабораторию специалистов рыбного дела. В 1913
году Н.М. Кулагин организовал кафедру рыбоведения
в сельскохозяйственном институте (где трудился из-
вестнейший ихтиолог Л.С. Берг).

Д.Ф. и Л.И. Сеницыны остаются в Москве. Дмитрий
Федорович пишет своему другу А.К. Мордвилко:

Санкт-Петербургский императорский университет

Москва. 6 окт[ября] 1911 г.

Дорогой Александр Константинович!

Самые усердные поиски ни к чему не привели: Ваших галлов (Патологические образования на теле растения — М.Т., Н.С.) я так и не нашел. На моем столе лежали рисунки, которые Вам с этим письмом и посылаю.

Дела мои по-прежнему в очень плохом состоянии: кроме надежды пока ничего нет. Ваши дела, по-видимому, тоже не важны. Щепотьева²⁶ диссертация в Москве не пошла: Кожевников²⁷ отказался ее принять на том основании, что сам он не специалист по этим вопросам, а знакомые его специалисты не одобряют его работы. «Вот если бы Северцев согласился поддержать Вас, тогда бы я принял Вашу диссертацию», сказал он ему. Щепотьев пошел просить Северцева²⁸, а тот ему отказал. Так и отъехал Щепотьев со своим [вра-нем?]

О нем говорят, что он был у Шевякова²⁹ и просил назначить его на какую-нибудь бойкотируемую зоологическую кафедру. Шевяков будто бы сам это «с возмущением» рассказывал в своей лаборатории.

Ну, что же, больше писать нечего. Все идет по-старому. Недавно было собрание биологического кружка, на котором докладывали «африканцы» о своей экспедиции на Нигер за *Polypterus*

и *Lepidopterus* (хрящекостных рыб многопёров и бабочек)... интересно! Кулагин так же легкомысленно порхает, а я не менее легкомысленно бегаю по лекциям, Людмила усердно посещает В. Курсы и решает задачи по геометрии и тригонометрии. Маша ухаживает за Кузьмой, а Семенович (владелец дома — М.Т., Н.С.), подлец, не топит и нас вымораживает. В той квартире, где при вас жил певец, поселился трубач, так что на лестнице стало веселее!!!

Целую Вас.

Ваш Д.С. Сеницын.

Низко кланяюсь Марии Ивановне и целую Олю и прочих детей.

От Людмилы всем привет и поцелуи.

P.S. Ваша Фима живет у наших соседей и постоянно торчит у нас на кухне, или Маша торчит у нее³⁰.

Мария — прислуга в квартире Сеницыных, Фима — бывшая прислуга семьи Мордвилко.

22 апреля 1912 года Сеницын защищал докторскую диссертацию «Партеногенетическое поколение трематод и его потомство в черноморских моллюсках» в Санкт-Петербургском императорском университете (предварительно прочитанную на заседании физико-математического факультета 19 января 1911 года).

М.Д. Рузский

Интересные факты из жизни Д.Ф. Синицына изложены в письме, которое он написал В.М. Шимкевичу.

Москва, Б. Никитская 22, кв. 22.

8 января 1913 г.

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович!

Не можете ли Вы снабдить меня удостоверением или свидетельством от Петербургского Университета в том, что я имею степень доктора. Мне это теперь необходимо для предоставления в полицию по случаю перемены паспорта, а денег на покупку диплома нет.

Пока я собирался написать в Томск о том, что снимаю свою кандидатуру, меня там баллотировали и, конечно, провалили. Выбрали Рузского. Очень неприятно. Я не ожидал, что выборы состоятся так скоро.

Искренне преданный Вам.

Д. Синицын³¹.

Действительно, в 1913 году М.Д. Рузского избрали профессором кафедр зоологии сразу двух университетов: Киевского и Томского. Ему необходимо было выбирать: куда ехать — на Украину или в Сибирь? Он предпочел Томск, где занял еще и вакантное место за-

ведующего кафедрой зоологии и сравнительной анатомии на медицинском факультете³².

Михаил Дмитриевич Рузский — выпускник Казанского университета, был специалистом-универсалом практически во всех областях биологии — орнитолог, ихтиолог, гидробиолог, паразитолог, энтомолог, мирмеколог. Также, как и Д.Ф. Синицын, долгое время состоял хранителем зоологического музея. За двухтомное сочинение «Муравьи России» Петербургская Академия Наук присудила М.Д. Рузскому премию им. К. Бэра (до этого ее получали только великие И.И. Мечников и А.О. Ковалевский)³³. Состязаться с ним было сложно, да еще и при отсутствии официально заверенного свидетельства о защите докторской — практически невозможно. Отсюда в тексте письма Д.Ф. Синицына горестное «конечно» и сожаление, что не успел снять свою кандидатуру вовремя.

От «подлеца Семенковича», который «не топит» и «вымораживает», чета Синицыных переехала в Большой Козихинский переулок (д. 22, кв. 6).

Вот как описывает эту квартиру в своих воспоминаниях И.И. Пузанов:

Синицын с женою жили в районе Б. Бронной, в небольшой квартирке из двух комнат. Одна из них, «лаборатория», была почти сплошь заставлена аквариумами, где в густых зарослях злодеи и валлиснерии жили всевозможные моллюски — промежуточные хозяева трематод, которыми Синицын по преимуществу занимался. Другая комната была обставлена очень оригинально. «Обстановки», собственно, не было никакой — вдоль стен тянулись низкие тахты, покрытые серым рядном, оживленным ситцевыми нашивками. Получалось оригинально, достаточно удобно и дешево³⁴.

Дмитрий Федорович не отчаивается и организует по поручению Московского, Нижегородского и Воронежского земств паразитологическую лабораторию, которой он заведовал с 1913 по 1917 год.

Д.Ф. Синицын был председателем Общества народных университетов, в котором состоял и Н.М. Кулагин. Основная цель общества — просвещение широких слоев населения города Москвы и Московской губернии. Общество организовывало научно-образовательные и воспитательные учреждения, где систематически читались и профессиональные, и популярные курсы лекций, экскурсии³⁵.

В Москве, трудясь в «Обществе народных университетов», Д.Ф. Синицын заболел паренхиматозным нефритом и уехал в Севастополь лечиться. Из Севастополя писем Н.М. Кулагину.

Севастополь. Запр. 1914г. Гостица „Петербург“.

Дорогой Николай Михайлович!
 Шлю Вам и Анне Юльевне из Севастополя привет и пожелания всего хорошего!

Щербак отнёсся ко мне очень внимательно: пригласил на консилиум лучшего здесь терапевта и все время очень следил за моим здоровьем. По их определению я болен паренхиматозным нефритом, как это определил и мой московский врач Лившиц, и что этот нефрит еще не вышел из острого периода, так как кроме почечного эпителия и различных цилиндров в моче наблюдаются постоянно кровяные шарики. Живу я в гостинице около Историч[еского] бульвара, далеко от моря, веду очень спокойную и диетическую жизнь,

около Петриш. Бульвара, далеко от моря, веду очень спокойную и диетическую жизнь, медленно хожу и греюсь на солнышке, с нетерпением ожидая выздоровления.

На мое счастье в Севастополе установилась хорошая, теплая погода, так что надежда на выздоровление имеется.

Слежу по газетам о Вашей московской жизни и очень жалею, что не могу в ней участвовать.

Вчера проводил в Москву Майера³⁶ с дочерью, которые по дороге из Тифлиса сделали сюда крюк, чтобы навестить нас: очень милые люди!

Жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Кланяйтесь Садовниковой и Кольцову.

Ваш Д. Синицын³⁷.

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 9, 9об.

Севастополь. 3 апр[еля] 1914 г. Гостица «Петербург»

Дорогой Николай Михайлович!

Шлю Вам и Анне Юльевне из Севастополя привет и пожелания всего хорошего!

Щербак отнёсся ко мне очень внимательно: пригласил на консилиум лучшего здесь терапевта и все время очень следил за моим здоровьем. По их определению я болен паренхиматозным нефритом, как это определил и мой московский врач Лившиц, и что этот нефрит еще не вышел из острого периода, так как кроме почечного эпителия и различных цилиндров в моче наблюдаются постоянно кровяные шарики. Живу я в гостинице около Историч[еского] бульвара, далеко от моря, веду очень спокойную и диетическую жизнь,

медленно хожу и греюсь на солнышке, с нетерпением ожидая выздоровления.

На мое счастье в Севастополе установилась хорошая, теплая погода, так что надежда на выздоровление имеется.

Слежу по газетам о Вашей московской жизни и очень жалею, что не могу в ней участвовать.

Вчера проводил в Москву Майера³⁶ с дочерью, которые по дороге из Тифлиса сделали сюда крюк, чтобы навестить нас: очень милые люди!

Жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Кланяйтесь Садовниковой и Кольцову.

Ваш Д. Синицын³⁷.

Севастополь, 25/iv. 1914.
гостин. „Петербург“.

10

Дорогой Николай Михайлович!
Третьего дня я получил от Майера письмо, где он ^{сообщает} мне, что бы я немедленно подавал прошение Рудольфу, если желаю занять кафедру зоологии в Тифлис. Политтехникум, так как Вы передавали ему, что Рудольф обращался к Вам за рекомендацией ему профессоров. Кроме того Майер передал мне, что Вы хотели мне об этом написать, но должно быть еще не собрались, а я беспокоюсь и потому не ожидаю от Вас письма.

Это заключается в следующем: мой нефрит начинает принимать

11
Теперь у нас к Вам такая просьба
Пожалуйста Рудольфу свое обо мне
рекомендацию. В этой рекомендации
я бы просил Вас отметить на
моей деятельности в Динере имени
Маульбаха и на последние работы
по организации научного изучения
паразитов по территории Московск.
Индустриалек и Варшавск. земель,
а также все и об устройстве специа-
льной паразитолог. лаборатории, в
которой научные работы были организо-
ваны. Практикой по паразитологии
для ветеринарных врачей (в этом году
получил от меня свидетельство два
ветер. врача - Инженерский заводской
бактериолог. это жекой стацией и
Кавказской - тоже землей). Я думаю
что для Политтехника вавано, чтобы
профессор зоологии мой организовать

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Лл. 10, 10 об., 11, 11 об.

затянутой, так называемой «подострой»
формы, которая, если и будет излечена,
только не менее испортит мне почки
навсегда и жить на севере для меня
в таком случае будет очень риско-
вано, так как всегда будет существовать
опасность возвращающийся нефрита, если
хронический. Если бы не это болячка,
то я конечно не стремился в Тифлис,
когда у меня так хорошо заводилось
дело в Москва, но... науки в России
всего и мне еще хотелось написать.
Вот поэтому-то я и Москва-
вперед Политтехникум Кавказа. Вручаю
задание о желании занять кафедру
зоологии в Политтехникум.
В этом отношении я свидетельствую,
отзывы француз. специалистов о
моих научных и педагогических заслугах
будут признаны в высшей
степени.

при своей карьере такой степени,
практическое знание которого приобре-
тено собственными великими усилиями и
на это мне не понадобятся деньги.

Привет от меня Николаю
Вашу другу
Ваш Д. Рудольф

Севастополь. 25 апреля 1914 г. Гостин[ица] «Пе-
тербург»

Дорогой Николай Михайлович!

Третьего дня я получил от Майера письмо, где он сообщает мне, чтобы я немедленно подавал прошение Рудольфу³⁸, если желаю занять кафедру зоологии в Тифлис[ском] Политехникуме, так как Вы передавали ему, что Рудольф обращался к Вам за рекомендацией ему профессоров. Кроме того, Майер передал мне, что Вы хотели мне об этом написать, но, должно быть, еще не собирались, а я беспокоюсь и потому, не ожидая от Вас письма, пишу Вам.

Дело заключается в следующем: мой нефрит начинает принимать затянутую, так называемую «подострую» форму, которая, если и будет излечена, тем не менее, испортит мне почки навсегда и жить на севере для меня в таком случае будет

очень рискованно, так как всегда будет угрожать опасность возвращения нефрита, уже хронического. Если бы не эта болезнь, то я, конечно, не стремился в Тифлис, когда у меня так хорошо завязалось дело в Москве, но... жизнь дороже всего, и мне еще хочется пожить. Вот поэтому я и послал вчера Попечителю Кавказ[ского] учебн[ого] округа заявление о желании занять кафедру зоологии в Политехен[ическом] Институте, в этом заявлении я сообщил, что отзывы ученых-специалистов о моих научных и педагогических заслугах будут присланы в скором времени.

Теперь у меня к Вам такая просьба: пошлите Рудольфу свою обо мне рекомендацию. В этой рекомендации я бы попросил Вас остановиться на моей деятельности в универ[ситете] имени Шанявского и на последних работах по организации научного исследования паразитов

по поручению Московского, Нижегородск[ого] и Воронежск[ого] земств, а также и об устройстве специальной паразитологич[еской] лаборатории, а кроме научных работ был организован практикум по паразитологии для ветеринарных врачей. (В этом году получили от меня свидетельства два ветер[инарных] врача – Нижегородский заведующий бактериологич[еской] земской станцией и Владимирский – тоже земский). Я думал, что для Политехникума важно, чтобы профессор зоологии мог организовать при своей кафедре такой отдел, практическое значение которого прекрасно сознается всеми земствами и на что они не отчисляют денег.

Привет Анне Юльевне.

Жму Вашу руку

Ваш Д. Синицын³⁹.

Портрет Бакунина, подаренный...

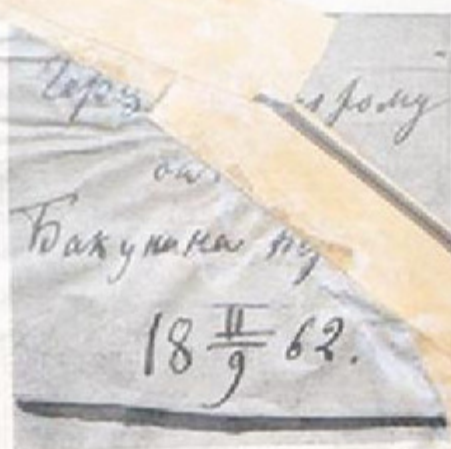

Портрет Бакунина, подаренный Адольфу Фотту.

М. А. Бакунина по прибытии из Лондона, в начале 1862 г., после бегства из Сибири. Эта карточка подарена жене сыну Гершену, А. А. Гершену, с оригинальной подпиской.

Портрет Бакунина, подаренный... в 1897 г. по случаю...

Автограф Бакунина на карточке, подаренной сыну Гершену в Лондон.

НОВЫЙ ОЧАГЪ ЗНАНІЯ.

Въ Тифлисе состоялось большое торжество, 5 мая положили первый камень нового грандиознаго здания перваго кавказскаго политехникаума. На торжественномъ празднествѣ присутствовали наместникъ графъ Н. И. Воронцовъ-Дашковъ съ супругой, которые съ себе...

бранился маточникомъ въ рукахъ положили основательное здание политехникаума. Въ прошлые годы зѣтымъ рѣшала поддерживать роль наместника въ дѣлѣ отарелія кавказскаго политехникаума и широчине созданиа на рубежѣ Азии новаго очага знанія. Зѣтымъ была отглажена промышленныя политехника университетскаго и другихъ высшихъ школъ. Вечеромъ торжѣ были иллюминациа.

Проектъ здания перваго кавказскаго политехникаума.

Торжественнаа засѣданіа въ присутствіи наместника.

Собственно, логично. „Петербург“: 12
1^о Мая 1914г.

Дорогой Михаил Михайлович!
Ваше хорошее письмо заставило
меня маленько поволноваться: мне
стало еще тяжелее покидать
Москву после того, как я про-
читал в Вашем письме искрен-
но возмущение о моем предпо-
лагаемом уходе, и признаюсь
Вам, что Вы любите душу
у меня зацепилась надежда,
что может быть моя работ-
ка центральная в Митрополит-
н и не удастся! Конечно и в
Москву я могу уйти со своей
болоньей, но только придется
все время помнить о ней, бегать
просиуды и наживаться на

судебно в 400 рубль. Книжки (3
(или) или пишем, то ему пре-
дают подкавал будто Киевское
земство обрешивое и Московско-
му за посылку пружить дисшо-
лишю и т.д.

Принимая во внимание, что
я пока - свое паразитическое
дело только один год тому на-
зад, куда я ушел, то уст-
ки - биветальны, но будет ли
это идти там и дальше?
Ваш вопрос, который я так
считаю и с своим почтением.

Ваше и мое дело конечно бы
лучше решалось и с Вами
и с нашими товарищами, с
какими я видел, и как раз
покажи - тядило покидали
Университетом Маусвекаго со

© АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 12, 12 об., 13, 13 об.

вместе жить; но это в только
в Италию, а в там, то Митрополит
даст еще и специальное зде
письмо... Может быть мне
удается в Москве центральную
свою лабораторию так, чтобы
она давала мнеพอสมควร
и хороший заработок; надежда
на это есть. Вышесть с Вашим
письмом мне пришло из
Варшавы уведомление, что на
текущую год земская управа
ассигновала на пруживание
ушекани около 2000 руб. из
каширака на вознаграждение
меня поощению 600 руб. на
лабораторию 400 руб. и 200 руб.
на вознаграждение ассистента.
Кроме того Института ссе-
дильно ассигновало моей лабораторию

Ваше дело, то там вырости
за все время, пока с там рабо-
тает, а так в-ва Нарвацкая
Университетов, которые видевши
но говоря и направили меня керт-
таль и в кашираке с вырости и
воспитание как лекторы: все
Московского дела. Разли моему
все это слова созданы в судили
и новым делом в Митрополит?
Кто, для этого судили чтобы
вернуться назад тм любование
и гордые лавы, которые мне
прощали...

Я думаю Митрополит, чтобы он
лучше приехал кини анисево, фракте-
тета о моих диссертациях. В общем
считаю, что потараемся это до-
даны, а вышест и тмм сообщаем,
что фиксируем и он сам

Д.Ф. Синицын (3-й слева) в паразитологической лаборатории. 1915 год

Севастополь. Гостин[ица] «Петербург». 1-го Мая 1914 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Ваше хорошее письмо заставило меня немного поволноваться: лишь стало еще тяжелее покидать Москву после того, как я прочитал в Вашем письме искреннее сожаление о моем предполагаемом уходе, и признаюсь Вам, что в глубине души у меня затеплилась надежда, что, может быть, моя попытка устроиться в Тифлисе не удастся! Конечно, и в Москве я могу жить со своей болезнью, но только придется все время помнить о ней, беречься простуды и находиться на вечной диете; но дело не только в этом, а в том, что Тифлис дает еще и спасительное 20-е число. Может быть, мне удастся в Москве устроить свою лабораторию так, чтобы она давала мне постоянный и второй заработок; надежда на это есть. Вместе с Вашим письмом мне прислали из Варшавы уведомление, что на текущий год земская управа ассигновала на паразитологич[еские] изыскания около 2000 руб., из которых на вознаграждение меня положено 600 руб., на лабораторию 400 руб. и 200 руб. на вознаграждение ассистента. Кроме того, Нижегородское земство ассигновало моей лаборатории субсидию в 400 рублей. Кишкин (сын) лишь пишет, что ему передал Поздняков, будто Киевское земство обратилось к Московскому за помощью против дистоматоза и т.д.

Принимая во внимание, что я начал свое паразитологическое дело только один год тому назад,

нужно признать, что успехи блистательны, но будет ли дело идти так и дальше? Ваш вопрос, который отчасти связан и с моими почками.

Очень и очень не хотелось бы мне расставаться и с Вами, и с Вашими товарищами, с которыми слился и которых полюбил, тяжело покидать университет Шанявского со всем тем, что там выросло за все время, пока я там работал, жалко О-ва народных университетов, которое, собственно говоря, и наградило меня нефритом и в котором я вырос и воспитался как лектор: всего московского жалко. Разве можно все это снова создать в чудном и новом месте в Тифлисе? Ведь для этого нужно, чтобы вернулись назад те молодые и горячие годы, которые уже прошли...

Я просил Шимкевича, чтобы он мне прислал копии отзывов факультета о моих диссертациях...⁴⁰.

Первая мировая война решила все за Синицына. Предполагаемого развития Тифлисский политехникум так и не получил. Д.Ф. Синицын вернулся в Москву, где продолжил работать в созданной им паразитологической лаборатории.

Когда в Москве встал вопрос о создании ветеринарного института, Синицын возглавил комиссию по его организации. Для широких масс и врачей-гигиенистов были написаны работы:

1) Избавишься от вшей — не заболеешь тифом (1915);

В.П. Амалицкий

2) Практическое руководство для исследования и определения паразитов человека и домашних животных. Для студентов, врачей-медиков и ветврачей (1915);

2) Листвяница в Московской губернии (1916).

Между тем обстановка в Москве накалялась. Россия вела войну на западных границах, отдавая врагу города. Д.Ф. Сеницын участвовал в особой комиссии по делам помощи беженцам из западных губерний. Она была организована 2 сентября 1915 года на заседании Московского губернского комитета Всероссийского земского союза.

В состав комиссии вошли П.П. Патрикеев, князь С.А. Щербатов, профессор Д.Ф. Сеницын, А.П. и В.А. Левицкие, С.М. Богословский, И.И. Волоцкой, С.Ф. Кельх и М.П. Поливанов. На этом же заседании прозвучало признание в том, что «несмотря на все меры, предпринимаемые Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов в деле упорядочения движения и размещения беженцев, дело это мало подвигается и до сих пор находится в совершенно хаотическом состоянии: никто не знает, откуда ждать наплыва беженцев, куда их направлять, где размещать»⁴¹.

В 1915 году из Варшавы в Москву среди целого ряда учебных учреждений эвакуировали Варшавский политехнический институт. Но в Москве институт разместили временно, планировалось перевести его в другой российский город. Многие города хотели получить хотя и сильно пострадавшее, но имевшее 16-летний опыт деятельности учебное учреждение, которое финансировалось государственной казной. Свои предло-

жения представили Тифлис, Саратов, Одесса, Екатеринослав, Оренбург, Омск, Екатеринодар.

В это время в Нижнем Новгороде развернулась кампания по организации размещения Варшавского политехнического института.

6 июля 1916 года принято решение о переводе Варшавского политехнического института в Нижний Новгород⁴².

4 февраля 1916 года, то есть до принятия решения по вопросу перемещения Варшавского политехнического института, Дмитрий Федорович подал прошение на имя директора профессора Владимира Прохоровича Амалицкого:

На основании словесного Вашего предложения имею честь просить Ваше Превосходительство предоставить мне в Варшавском политехническом институте чтение курса общей зоологии и руководство по этому курсу⁴³.

Ответ пришел после перевода Варшавского политехнического института в Нижний Новгород.

31 августа 1916 г.

Согласно разрешению за Министра Торговли и промышленности Г. Товарища Министра, изложенному в уведомлении Учебного отдела от 15 июля с.г. за № 1857, доктору зоологии Сеницыну поручено чтение в 1916—1917 учеб. году курса зоологии на горном отделении и руководство практическими занятиями по зоологии, с выдачей ему за 6 часов занятий и за труды по заведыванию Зоологическим кабинетом и руководству практическими занятиями годового вознаграждения в размере 1800 рублей с 1 сентября, о чем сделать надлежащее распоряжение.

Директор В.П. Амалицкий⁴⁴.

Ожидая ответа, в мае 1916 года Сеницын занимался проблемой анабиоза млекопитающих путем их замораживания с перспективой возвращения к жизни.

Результаты опыта Д.Ф. Сеницын изложил позже (1923) в статье, опубликованной в Западно-Белорусском государственном институте сельского хозяйства.

Обстановка опытов была такова. Замораживание производилось в одной из камер холодильника Московско-Казанской железной дороги, где сохранялась температура на одном и том же уровне +2,5°; дальнейшие манипуляции производились в камерах с другой температурой: +3,5°, -3° и -7,5°. Животное погружалось целиком (с головою) в тающий снег, который утаптывался вокруг него по мере таяния. Для измерения темпе-*

*Пользуюсь этим случаем, чтобы выразить благодарность администрации холодильника, разрешившей мне пользоваться для опытов своим учреждением.

ратуры тела употреблялся термометр Цельсия, который вставлялся в прямую кишку (у щенков на глубину около 5 см) и оставлялся там во все продолжение опыта. Никаких особых приспособлений и приборов, кроме карманных часов, для учета пульса, дыхания и проч. не было: дыхательные движения воспринимались слухом, осязью, — посредством руки, положенной на снег в области живота, — и зрением.

Я изложу здесь подробно только один опыт, который увенчался успехом, а именно, опыт с двухдневным щенком, записанным в моих протоколах за № 2 под именем «Снегурочки».

В 10 ч. 55 м. Снегурочка была уложена в снег. Температура воздуха $+2,5^{\circ}$, температура снега 0° . Наблюдения над температурой тела начались спустя 7 минут.

(В 12 ч. 39 мин. произведено последнее измерение температуры. — Ред.)

Замораживание прекратилось. Температура воздуха во все время опыта оставалась одна и та же $+2,50$, что же касается снега, то его температура постепенно понижалась, благодаря тому, что по мере таяния прибавлялся свежий снег, который приносился из соседней камеры № 8, где температура держалась на уровне $-7,5^{\circ}$. Измерений температуры снега в течение опыта, благодаря техническим затруднениям, не делалось. Когда Снегурочка была вынута из снега, его температура была -4° .

В 12 ч. 40 м., т. е. через 1 ч. и 45 м., Снегурочка была перенесена из снега в камеру с температурой воздуха $+3,5^{\circ}$ и положена на деревянную полку. Никаких внешних признаков жизни она не обнаруживала. Поверхность тела обледенела и на осязть твердая, как дерево. Гибкость членов не исследовалась из опасения нарушить целостность кожи.

В 1 ч. 10 минут, т. е. через полчаса пребывания в температуре $4^{\circ}, 3,5^{\circ}$, Снегурочка была снята с полки. Поверхность тела оттаяла и стала мягкой, члены были гибки. Вынут был термометр, который продолжал показывать $+2^{\circ}$. (Насколько мне известно, никому еще не уда-

валось достигнуть такого понижения температуры у не спящего млекопитающего.) Снегурочка была завернута в полотенце, затем в шерстяную тряпку, положена в корзину и отправлена по трамваю в лабораторию. Сюда она прибыла в 2 ч. Температура в комнате была $+19,3^{\circ}$. Снегурочка была вынута из оберток и положена на стол, в 2 ч. 27 м. был вставлен в анальное отверстие термометр, который через 4 минуты с половиною показывал $+7,5^{\circ}$.

С этого же момента начались манипуляции по оживлению: я Снегурочку растирал, млял, переворачивал с боку на бок, сжимал в разных направлениях грудную клетку, чтобы произвести дыхательные движения, раскрывал ее пасть, вытягивал язык и т. д. и т. д. Сначала я проделывал это при температуре воздуха, затем я переложил Снегурочку в чашку с водой комнатной температуры и постепенно повышал ее, прибавляя туда горячую воду. В это время вот что происходило со Снегурочкой... (Температура в прямой кишке повышалась — Ред.)

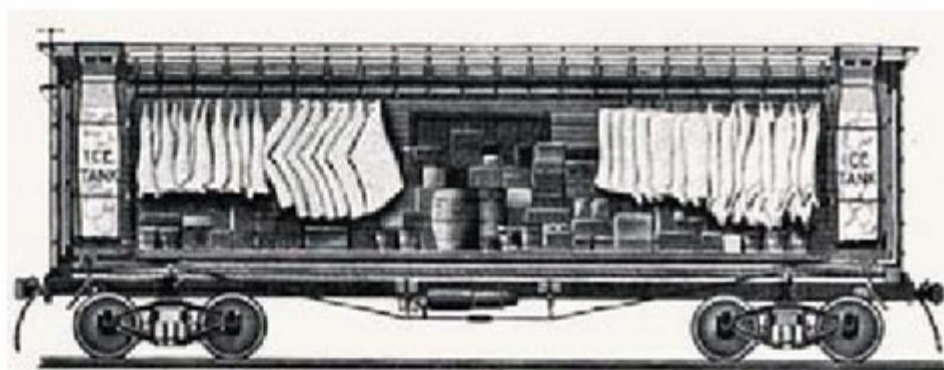
До сих пор щенок не обнаруживал никаких признаков жизни. Это начало меня беспокоить. Так как применявшиеся способы искусственного дыхания были мало совершенны, я просто взял в свой рот мордочку Снегурочки и начал с нею дышать, принимая в расчет емкость ее легких. Это продолжалось от 3 ч. 15 м. до 3 ч. 21 м.

(В 3 ч. 30 мин. дыхание Снегурочки восстановилось. — Ред.)

Затем термометр был вынут, Снегурочка была завернута в теплое и сухое одеяло.

В тот день (29 апр. 1916 г.) и на следующий Снегурочка чувствовала себя, по-видимому, не плохо: спала и исправно сосала молоко из рожка. С 1 мая начала кашлять и в ночь с 9 на 10 мая умерла, проживши, таким образом, после своего воскресения 10 с половиною дней. О причинах ее смерти говорит <...> протокол вскрытия, составленный профессором общей патологии Ветеринарного института П.Д. Баллом, которому я здесь приношу за это глубокую благодарность.

<...>

Холодильная установка
Московско-Казанской
железнодорожной

Заключение.

Рассматривая кривую температурных изменений в теле замораживаемой Снегурочки, можно заметить, что она складывается из двух половин, отличающихся друг от друга по характеру кривизны и по степени наклона к абсциссе. Граница между ними лежит между 19° и 15° , где мы видим сравнительно быстрое падение кривой. Первую половину можно назвать «живою», вторую — «мертвой». Этими названиями в достаточной степени уясняется указанный характер кривых.

В первые моменты Снегурочка пытается бороться с замораживанием, и ее температура быстро поднимается; но затем, побежденная холодом, она смиряется, хоть и не совсем: об этом свидетельствуют два бугра на кривой, отмеченные на рисунке В и С. За этим последним усилием наступает резкое падение температуры, гораздо более быстрое, чем это можно было ожидать при аналогичных условиях у какого-либо мертвого тела. Я не нахожу объяснения этого температурного скачка. После этого наступает выравнивание кривой (до точки Д), а затем следует «мертвая» половина кривой, соответствующая состоянию полной неподвижности Снегурочки. Очевидно, ее тело в это время реагировало на влияние низкой температуры так, как всякое другое мертвое тело. Интересно, что кривая пробуждения Снегурочки (здесь не изображена), которая, как и следовало ожидать, складывается из двух различного наклона кривых, обнаруживает перелом приблизительно на том же пункте (17°), как и на кривой замораживания. Отсюда можно заключить, что $15-19^\circ$ и есть та температурная граница, которая разделяет у Снегурочки два различных ее состояния: действующего и бездействующего термостатического механизма.

У других четырех щенков, которых я заморозил навеки, кривая падения температуры обнаруживала такой перелом и на том же месте; у львенка, разделившего судьбу их, перелом на кривой оказался в точке, соответствующей температуре $11-12^\circ$. когда он перестал дышать и ворочаться.

Результаты описанного опыта дают определенный ответ на вопрос — возможно ли приостановить работу жизненного механизма млекопитающего, не нарушая его целостности?

— Да, возможно.

Нам могут заметить, что мы слишком расширяем значение опыта, распространяя его результаты

не только на молодых, но и на взрослых млекопитающих.

На это можно ответить, что целью опыта вовсе не было дать рецепт для усыпления млекопитающих всех видов и всех возрастов — это задача будущих исследований, — указать путь, по которому следует идти в поисках за этим рецептом: следовательно, здесь решается этот вопрос чисто с принципиальной стороны.

Явлений зимней спячки ввели в заблуждение научную мысль, полагавшую найти в них разрешенные вопросы об анабиозе у млекопитающих. Это казалось вполне естественным; но здесь произошла та же ошибка, которую допускали и первые изобретатели воздухоплавательного аппарата, когда они строили свои модели по образцу летательных механизмов птиц; и там в основу изысканий была положена аналогия между явлениями, между которыми должно быть только внешнее сходство.

Проблема анабиоза у млекопитающих этими исследованиями была загнана в тупик, из которого был только один выход: вернуться назад и начать дело сначала. Настоящая заметка и пытается это сделать. Правда, ее теоретическая часть слишком схематизирована, опытов мало и с технической стороны они оставляют желать многого, но, тем не менее, то, что в ней заключается, может послужить достаточно прочным пунктом для построения новой программы исследований по анабиозу млекопитающих: это и является оправданием ее выхода в свет.

Опыты по замораживанию млекопитающих требуют очень хорошей лабораторной обстановки и денежных средств, чего у меня не было, нет и, судя по обстоятельствам переживаемого нами трудного времени, не будет. Предо мной возникла дилемма: оставить ли свои мысли и опыты лежать под спудом или, рискуя получить упрек в легкомысленной поспешности, опубликовать их хотя бы в необработанном виде, чтобы дать этим возможность другим воспользоваться достигнутыми результатами. Я избрал последнее решение.

Проф. Д.Ф. Сеницын⁴⁵.

Данная статья демонстрирует широкий спектр зоологических интересов Д.Ф. Сеницына, которые касаются не только проблем паразитологии, но также и крионики.

Москва

Владимир

Ковров

**Нижний
Новгород**

*Площадь у Московского
вокзала и пути Московско-
Нижегородской железной
дороги*

Нижний Новгород

В августе 1916 года Сеницын получил приглашение от Нижегородского народного университета, что было отражено в газете «Нижегородский листок»:

Университетская хроника.

Начало занятий. В Нижегородском народном университете лекции начнутся с 8 сентября.

Из попечительского совета. Третьего дня под председательством З.М. Таланцева состоялось заседание попечительского совета городского Народного университета. Из постановлений совета отметим наиболее существенные.

Ввести на всех отделениях 1 курса преподавание естественных наук: курсы ботаники и зоологии и курс, охватывающий собой вопросы геологии, минералогии, почвоведения. Каждый курс должен читаться при 2-х недельных часах в течение двух лет. Преподавателем зоологии в текущем учебном году постановлено просить быть Д.Ф. Сеницына⁴⁶.

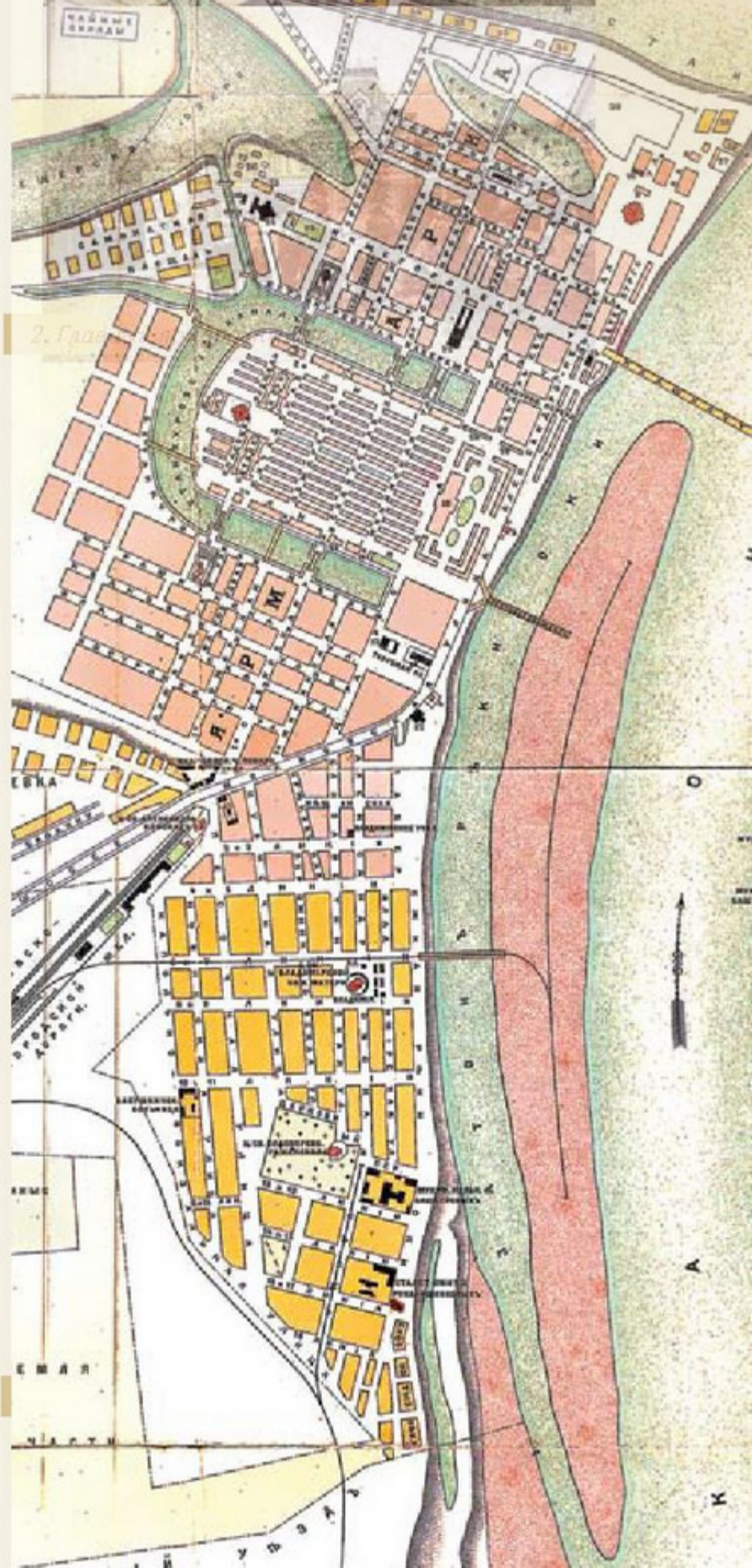
Первое время, пока Людмила Ивановна Сеницына училась на Московских высших женских курсах, Дмитрий Федорович оставался преподавателем Московского университета им. А.Л. Шанявского. В Нижний Новгород он приезжал по пятницам, и в Нижегородском Народном университете читал лекции по биологии на трех отделениях (литературном, историческом и экономическом) с 18.00 до 20.00.

Видимо, в эти же дни он проводил занятия и в Варшавском политехническом институте. На втором этаже Владимирского реального училища, в правом крыле, на базе естественно-исторического кабинета, с помощью одного из опальных студентов Московского императорского университета, своего ученика Сергея Ивановича Петяева, Д.Ф. Сеницын организовал зоологический кабинет, снабдив его самым необходимым оборудованием.

До конца апреля 1917 года Дмитрий Федорович жил в Москве, а в Нижнем Новгороде бывал наездами.

В апреле 1917 года решение Д.Ф. Сеницына переехать в Нижний Новгород сформировалось окончательно. Этому способствовало предложение от Попечительского совета Нижегородского народного университета занять пост директора. По окончании Л.И. Сеницыной Московских высших женских курсов семья переехала в Нижний Новгород и поселилась в доме Пальцева на Большой Покровской.

Д.Ф. Сеницын колебался недолго. С одной стороны, в Москве не спокойно — после февральской революции прогнозы на будущее неоднозначны, государство разваливалось на глазах. С другой стороны, в Нижнем Новгороде — постоянный заработок в Варшавском политехническом институте и дополнительный —

ИИ

Нижний Новгород

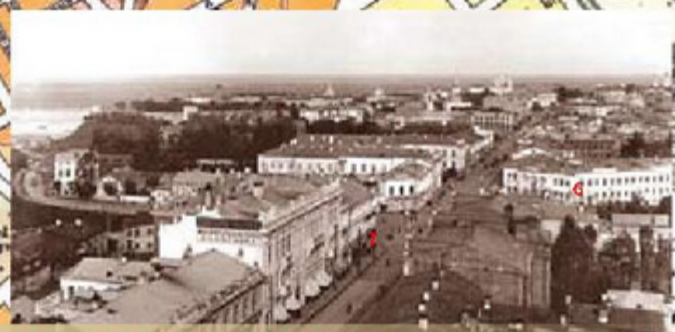
4. Здание Городской думы на Благовещенской площади

5. Городской театр

6. Здание Дворянского собрания

7. Улица Большая Покровская. Дом Пальцева

8. Владимирское реальное училище (на втором плане)

7. Здание Нижегородской конторы Российского государственного банка

Естественно-исторический кабинет Владимирского реального училища в Нижнем Новгороде

С.И. Петяев

в Народном университете. Тем не менее, приняв пост директора, 30 апреля 1917 года он пишет следующее письмо:

*Ректору Московского Университета
Михаилу Александровичу Мензбиру.*

Многоуважаемый Михаил Александрович!

Ваше возвращение в Московский Университет и последующее затем избрание Вас Ректором Университета возбудило во мне чувство глубокого удовлетворения и крепкую надежду, что 1917 год, год возвращения к Университету тех, кто так горячо любил Университет, будет первым годом новой блестящей эры Московского Университета на пути развития русской науки и просвещения. Теперь я считаю для себя великой честью быть в составе преподавателей Университета и поэтому прошу снова зачислить меня в число приват-доцентов Московского Университета.

Доктор зоологии Д. Сеницын⁴⁷.

Скорее всего, это письмо поддержки и одобрения — знак солидарности с М.А. Мензбиром, а не предложение о сотруничестве.

В Нижнем Новгороде Д.Ф. Сеницын и М.П. Архангельский решили организовать еще и Высшие сельскохозяйственные курсы.

В 1916 году, во время одного из своих визитов в Нижний Новгород, Дмитрий Федорович посетил Естественно-исторический музей нижегородского губернского земства, чтобы ознакомиться с коллекциями, предметы из которых можно было бы использовать как наглядные пособия при чтении лекций.

Он встретился с директором музея Михаилом Петровичем Архангельским — членом земской управы, заведующим сетью опытных хозяйств Нижегородской губернии. М.П. Архангельский вспоминал:

Однажды осенью 1916 года ко мне вошел встревоженный уважаемый сторож музея, а по существу — ревнивый хранитель его, почтенный Федор Николаевич Пучков. Закрывая дверь кабинета, он подошел на цыпочках к моему столу и тоном заговорщика прошептал: «Сойдите вниз и спросите, что нужно тому человеку, который все спрашивает — аквариум, аквариум. Я ему объясню про коллекции Василия Васильевича Докучаева и говорю, что здесь было море, а он только смеется и улыбается и опять за свое — аквариум.

М.П. Архангельский

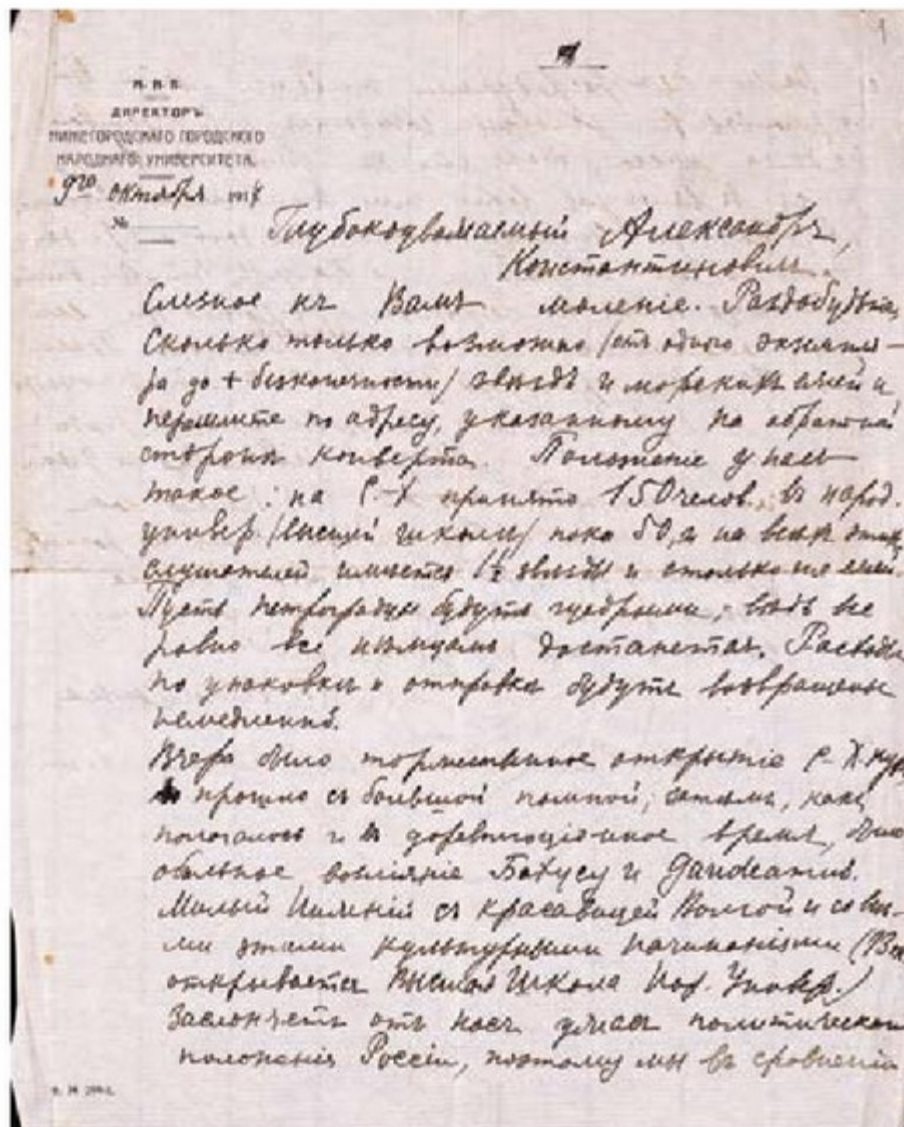
Фрагменты
экспозиции
Естественно-
исторического музея
нижегородского
губернского земства

Поговорите с ним. За столько лет вижу первый раз такого непонятливого человека!».

Я сошел в комнаты музея в нижнем этаже и увидел посетителя, рассматривающего коллекции. На его добродушном лице застыла улыбка. Мы познакомились, и с этого часа нас надолго связала дружба и работа по организации в Нижнем Новгороде сперва Высших сельскохозяйственных курсов, а затем и государственного университета (НГУ). Это был доктор зоологии, преподаватель бывшего Варшавского политехнического института и университета им. Шанявского в Москве Дмитрий Федорович Сеницын. В том же году в Нижнем Новгороде начал функционировать

Народный университет, большая часть преподавательского персонала которого наезжала из Москвы. Д.Ф. Сеницын, прекрасный лектор, привлекающий слушателей захватывающими лекциями по «основам биологии», был частым посетителем нашего города.

«Я зашел к вам в музей, — говорил Д.Ф. Сеницын — предполагая, что раз он носит название естественно-исторического, отражающего состояние местных природных богатств, представителей флоры и фауны, думал найти и аквариум, и террариум и воспользоваться их обитателями для демонстрации слушателям»⁴⁸.

Л.И. Синицына писала А.К. Мордвилко:

9 октября 1917 г.

Глубокоуважаемый Александр Константинович!

Слезное к вам моление. Раздобудьте, сколько только возможно (от одного экземпляра до бесконечности) звезд и морских ежей и перешлите по адресу, указанному на обратной стороне конверта. Положение у нас такое: на С-Х [сельскохозяйственные курсы] принято 150 челов[ек], в народ[ный] универ[ситет] [высшей школы] пока 50, и на всех этих слушателей имеется 1,5 звезды и столько же ежей. Пусть петроградцы будут щедрыми, ведь все равно все немцам достанется. Расходы по упаковке и отправке будут возвращены немедленно.

Вчера было торжественное открытие С-Х курсов и прошло с большой помпой; затем, как полагалось и в дореволюционное время, было обильное возлияние Бахусу и Gaudeamus.

Милый Нижний с красавицей Волгой и со всеми этими культурными начинаниями (13 ок[тября] открывается Высшая Школа Нар. Универ.) заслоняет от нас ужас политического положения России, поэтому мы в сравнении с Вами — петербуржцами живем почти в нормальных условиях созидания, творчества, но дел масса, так что клету Д.Ф. обратится в вяленую воблу или, зоологически выражаясь, общипанную синицу, так что долго придется катать его по Волге, по Каме, чтобы опять синица была в перьях. Хорошо бы, если бы наладилась к тому времени жизнь в России, и Вы бы приняли участие в этой поездке или, по крайней мере, побывали в Нижнем. Как Марья Ивановна и дети? Ученые детей как? Я думаю, как Вам тяжело и беспокоило быть на разных окраинах пока еще единой России. Будем утешаться песней: «а и нету денег — перед деньгами».

Л. Синицына.

Дим. [итрий] Фед. [орович] шлет Вам самый горячий привет⁴⁹.

Об организации первого советского университета на базе трех ликвидированных вузов в Нижнем Новгороде и деятельности Д.Ф. Синицына на посту ректора написано много⁵⁰.

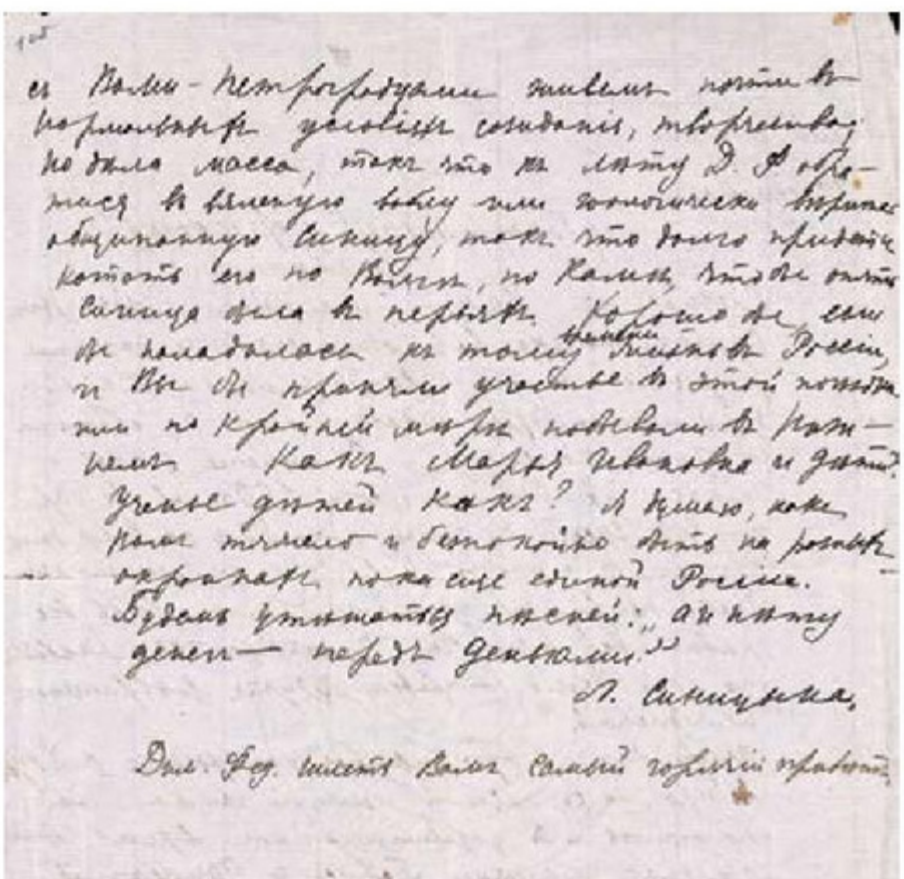

Фото из фонда ГКУ ГАРХАДНО

Не будем повторяться и расскажем о событиях, оставшихся в тени.

Когда читаешь документы той эпохи, чувствуешь, как сильно люди переживали за науку. Рождались великие идеи, материальное воплощение которых представлялось довольно размыто. Кем был рядовой ученый? Энтузиастом и тружеником, желающим развивать науку во благо прогресса. Новые степени знаний ведут к новым степеням свободы.

Царская эпоха и ее бюрократический аппарат... Хаос временного правительства... Приход большевиков... Ожидание чего-то нового...

Любая власть, по сути, бюрократична. Наука не должна озираться на политику, а жить самостоятельной жизнью — коллективным разумом ученых на новом витке развития. Все это идеалы, вскоре отвергнутые жизнью. Поддержка вновь организуемого дела — это лавирование между людьми с разными интересами

*Д.Ф. Синицын в рабочем кабинете.
Фото из фондов Государственного
музея А.М. Горького (Нижний Новгород)*

и представлениями о мире, умение находить компромисс. Д.Ф. Сеницын был бескомпромиссным. Как он отреагировал на действия Д.Я. Слободчикова? Не смирился с промедлением, поставил ультиматум. Ждал истечения условленного срока, и после 5 августа 1911 года посчитал себя вправе отказаться от своих ихтиологических проектов и заняться гельминтологией.

Большое чувство собственного достоинства, стремительность в принятии решений и, возможно, наивная вера в то, что его убеждения должны разделять все. Д.Ф. Сеницын писал:

Новый университет создает много рода отношения: он собирает на свои курсы слушателей из различных слоев народа; путем обязательных публичных лекций своих профессоров он знакомит общество с работой научной мысли университета и, наконец, вводя представителей общества в Совет, Правление и в свои комиссии, привлекает народ к непосредственному участию в строительстве Высшей Школы... Новый университет представляет единую коллегию профессоров и студентов, одинаково заинтересованных в благосостоянии университета и принимающих посильное участие в его строительстве. Представители организованного студенчества нового университета входят, с решающим правом голоса, во все коллегиальные органы управления Университета... Новый университет освобождает своих профессоров от большей части административных и хозяйственных обязанностей и передает их Правлению и его комиссиям⁵¹.

Правление и его комиссии формируются из профессоров и преподавателей университета. Освобождать их от административных и хозяйственных обязанностей не было возможности.

Строя новый университет, Д.Ф. Сеницын привлек к работе молодые научные кадры. В круг его единомышленников на биологическом факультете вошли В.В. Милютин, А.А. Скворцов, Э.К. Рейзин, В.А. Штернов, Б.В. Введенский, М.П. Архангельский, А.М. Шуваев, А.М. Сигрианский, Б.В. Лавров, В.Ф. Динзе и др.

В числе противников, не разделявших взглядов Д.Ф. Сеницына на правление, были С.Л. Иванов, Н.П. Налимов, В.А. Власов, П.Ф. Соловьев.

Причины ухода из Нижегородского университета Д.Ф. и Л.И. Сеницыных известны. И.И. Пузанов писал:

Нижегородский университет возник в самые первые годы советской власти — притом главным образом благодаря энергии и инициативе профессора Дмитрия Федоровича Сеницына... Сеницын же был и первым ректором Нижегородского университета, однако проработал здесь недолго, немногим более года. Очень скоро он не поладил

с местными «ревкомовцами», причем был обвинен чуть ли не в контрреволюции. Положение создалось настолько серьезное, что Сеницыну с супругой пришлось бежать. Оба они были людьми исключительно решительными и энергичными и избрали для побега способ весьма экстравагантный, даже романтический: приобрета (или наняв!) какую-то лодку, чета Сеницыных, неся на себе чуть ли не все своё имущество, спустилась темной ночью по тропинке с «откоса», погрузилась в лодку и — поплыла «вниз по матушке, по Волге». Долго ли, коротко ли они плыли, и где высадились — об этом история умалчивает. Во всяком случае, очень скоро после этого — осенью 1920 года чета Сеницыных появилась в Симферополе⁵².

10 сентября 1919 года на кафедру зоологии пришла телеграмма от начальника политотдела Нр № 1890 Я.В. Полуяна с просьбой о продлении командировки проф. Д.Ф. Сеницыну и преп. Л.И. Сеницыной, полезных своей деятельностью для войсковых частей⁵³. Коллеги-преподаватели к продлению командировки Дмитрию Федоровичу и Людмиле Ивановне до 15 октября 1919 года препятствий не нашли, так как кроме мотива, указанного в телеграмме, супруги Сеницыны имели специальные задания от зоологического кабинета по исследованию фауны Волжско-Камского бассейна.

Телеграмма Я.В. Полуяна служила Сеницыным оправданием, что они еще в командировке и не вернулись к исполнению своих обязанностей в Нижегородском университете по вполне уважительным причинам. Этот документ частично показывает места, по которым прошли Сеницыны с Нижней Волги до Севастополя. Я.В. Полуян — член реввоенсовета Кубанской (9-й) армии, начальник политотдела Юго-Западного фронта (1918—1920).

Журналист американской газеты «El Paso Herald Post» Билл Мюррей писал со слов Сеницына: «На лодке мы проплыли 100 миль по Волге и прошли еще 200 миль, чтобы уйти от красных. Дважды я смотрел смерти в лицо. Меня ставили к стенке, чтобы расстрелять, так как подозревали, что я шпион»⁵⁴.

Симферополь

Добравшись до Симферополя, Д.Ф. и Л.И. Сеницыны устроились на работу в Таврический университет (с 1921 года — Крымский университет им. М.В. Фрунзе).

Из воспоминаний И.И. Пузанова:

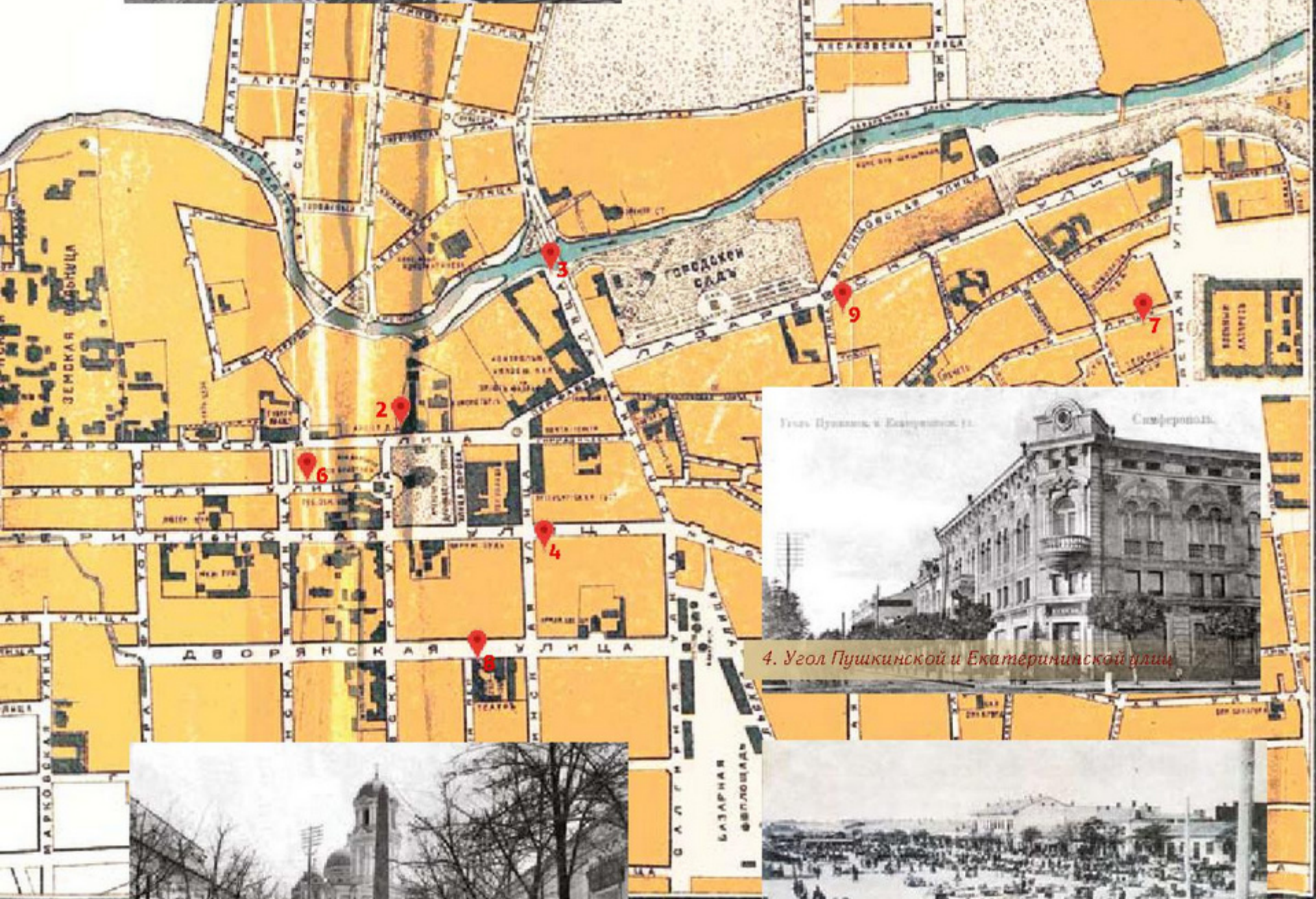
Из событий последних месяцев 1922 года я расскажу лишь о встрече с моим старым другом — профессором Дмитрием Федоровичем Сеницыным и его энергичной супругой, имени и отчества которой я не припомню. Напомню, что впервые я познакомился с Д.Ф. еще будучи студентом, в Севастополе в 1909 году, затем работал вместе с ним в Московском обществе Народных университетов в 1912—1914 годах; после этого я недолго потерял его из виду. И вот, вернувшись осенью 1922 года в Симферополь, я встретил Сеницына в качестве декана агрономического факультета — и он оказался в числе «прибывших с севера» — однако, не во время революции, как большинство других, а почти непосредственно после неё. Мы оба чрезвычайно обрадовались нашей встрече! Сеницын сравнительно мало изменился за истекшие 7 лет — он был так же красив, изящен, только седина слегка посеребрила его голову. Конечно, он тотчас же пригласил меня к себе в комнату, которую супруги занимали где-то неподалеку от Собора. «Почему вы приехали теперь, после Революции, именно в Симферополь, Дмитрий Федорович?» — спросил я. «Странный вопрос! — оживился Сеницын. — Ведь Симферополь — моя родина! Здесь я окончил гимназию, где преподавал в то время весьма знающий, но тяжелого нрава учитель словесности — знакомый вам Арсений Иванович Маркевич. А начал я учиться в духовной семинарии — ведь я из поповичей, отец мой был протоиереем Таврической церкви. А, в общем, конечно, я крымчак до мозга костей — люблю Крым, люблю татар и их быт, песни и стряпню. Вот, могу вас угостить их национальным блюдом «имам боялды» — жена, подложи Иван Ивановичу побольше». «Почему такое название?» — изумился я, уплетая весьма вкусную кисло-сладкую мешанину из всевозможных овощей — помидоров, огурцов, синих баклажанов, кабачков, моркови. «А потому, что даже имам, которого угостили этим блюдом, пришел в экстаз! — расхохотался Сеницын, — ведь по-татарски «имам боялды» значит «имам ужаснулся». Покончив с татарским национальным блюдом, мы за бутылкой крымского вина Христофоровских подвалов поделились друг с другом переживаниями последних бурных лет. Переживания моего собеседника были, пожалуй, еще более колоритны и романтичны, чем мои, во всяком случае, их финал. В разгар революции Сеницын с женой какими-

2. Упархияльное подворье

М

Симферополь

Мемориальная доска на здании
Русского драматического театра
им. М. Горького

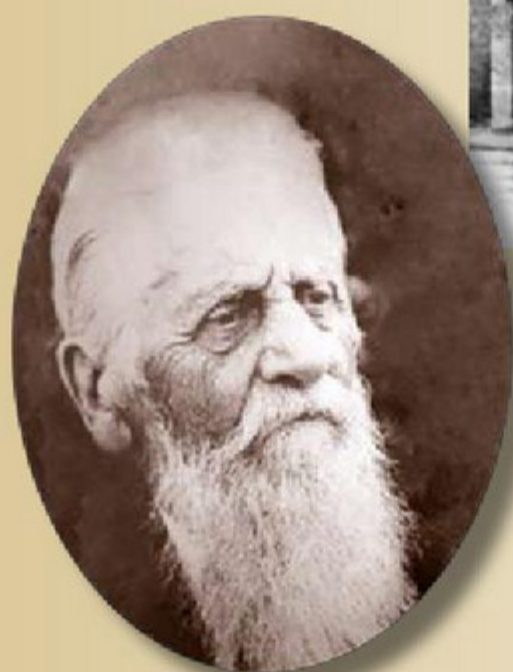
8. Театр таврического дворянства
в Симферополе, где состоялось
торжественное открытие
Таврического университета.

то судьбами оказался в Нижнем Новгороде, где со свойственной ему энергией принялся за организацию Университета. На первых порах все шло прекрасно: Синицыну удалось привлечь к этому делу нескольких крупных молодых ученых Москвы и Петрограда, прозябавших на второстепенных ролях приват-доцентов. Так, из Москвы приехал зоолог А.Д. Некрасов, из Петрограда — гистолог В.В. Милютин; в Нижнем Новгороде к ним присоединился ботаник С.С. Станков⁵⁵, который покинул Крым и Никитский сад после того, как с него сняли единственное теплое пальто во время его почти ежедневного пешего перехода из Никитского сада в Ялту. Естественно, что Станков, как прирожденный нижегородец, нашел приют в своем родном городе. Судя по печатным источникам, переданным мне Синицыным, организовали они новорожденный университет недурно.

Однако, благодаря проискам и клевете врагов и недоброжелателей, вскоре возникли какие-то нелады Синицына с городскими и партийными властями города — нелады настолько серьезные, что Синицыну грозил и арест, и высылка из города. Выход из положения нашла новая (кажется, третья по счету!) жена Синицына — женщина с чрезвычайно независимым и решительным характером. Впрочем, этих качеств было достаточно и у самого Дмитрия Фёдоровича! И вот однажды темной ночью супруги погрузили весь свой несложный багаж в заранее заготовленную лодку, и — поплыли «вниз по матушке, по Волге». Долго ли, коротко ли они плыли, где пристали —

я уже не помню, но только оказались они, в конце концов, в Симферополе — как раз в то время, в мое отсутствие, когда шла реорганизация Крымского университета на советских началах. Так как на физико-математическом факультете кафедры зоологии беспозвоночных уже была занята профессором Э.А. Мейером, Синицыну пришлось проявить свои способности организатора и лектора на факультете агрономическом, еще в то время существовавшем. «Но ведь вы теперь довольны своей жизнью в родном городе и работой в новом Крымском университете, Дмитрий Фёдорович?» — спросил я. «Да как вам сказать... — замаялся Синицын, — пока положение еще терпимо, но... носятся слухи, что агрофак при университете хотят ликвидировать. Тогда мне придется сматывать удочки! У вас на факультете места для меня нет, а ограничиться чтением лекций в Рабфаке я не могу — я их целиком передам вам». К сожалению, мрачные опасения Синицына оправдались в самом непродолжительном будущем. Однако еще до наступления решительного кризиса Синицын решил отметить свое пребывание в родном Симферополе грандиозной пирушкой, приуроченной ко дню его имени. Я уже не могу перечислить всех тех, которые были приглашены — большинство их были из числа незнакомых мне сотрудников агрофака и лекторов рабфака. Было очень весело и шумно (разведенного спирта и Христофоровского вина было вдоволь)! Говорились тосты — в большинстве случаев во славу талантов и энергии именинника. Впрочем, один тост был посвящен и мне, произнесенный

SM

*А.И. Маркевич, доцент
и профессор Крымского
университета (1921–1925),
член-корреспондент
Академии наук СССР (1929)*

*7. Здание на углу улиц Курчатова
(ранее Госпитальная) и Студенческой
(ранее Лазаретная), 29/13, в котором
размещается один из факультетов
Таврического федерального (в 1921 году –
Крымского им. М.В. Фрунзе) университета*

*9. Женская гимназия В. А. Станишевской на ул. Лазаревской (ныне Ленина, 17).
С 1923 года – главный корпус университета. На открытке - первое здание
слева.*

III курс.			
По Микробиологии	4ч.	Проф. Н. С. Сергеев	Практ. занятия
Почвоведение	2ч.	Проф. Г. Н. Висоцкий	
Энтомология	2ч.	Проф. К. О. Диндман	Практ. занятия
С. х. Экономика	2ч.	Проф. И. А. Петромберг	
Лесоводство	2ч.	Проф. Г. Н. Висоцкий	
Садоводство	2ч.	Проф. С. В. Крайский	
Общ. Зоотехния	4ч.	Проф. И. Я. Якушкин	
Учение об удобрениях	2ч.	Проф. И. Я. Якушкин	
Частное Земледелие	2ч.	"	
По дендрологии	2ч.	Проф. А. Н. Углицких	Практ. занятия
Организация хозяйства	2ч.	Проф. И. Я. Грехов	
Таксация	2ч.	Проф. И. Я. Грехов	
Помология	2ч.	Проф. В. В. Пашкевич	Практ. занятия
Паразитология	2ч.	Проф. Д. С. Саницын	
IV курс.			
Организация хозяйства	2ч.	Проф. И. Я. Грехов	
Частная Зоотехния	4ч.	Проф. И. Я. Грехов	
С. х. Экономика	2ч.	Проф. И. А. Петромберг	
Лесоводство	2ч.	Проф. Г. Н. Висоцкий	
Учение об удобрениях	2ч.	Проф. И. Я. Якушкин	
Частное Земледелие	2ч.	"	
Таксация	2ч.	Проф. И. Я. Грехов	
Помология	2ч.	Проф. В. В. Пашкевич	Практ. занятия
Лесоводство	2ч.	Проф. С. В. Крайский	
Паразитология	2ч.	Проф. Д. С. Саницын	

II. на Агрономическом факультете -			
I курс.			
Физика	6 ч.	Проф. С. С. Вагин	
Геология	4ч.	Проф. Крайский	Практ. занятия
Ботаника	4ч.	Проф. И. Я. Бульб	"
Зоология	4ч.	Проф. А. А. Шейер	
Неорганическая химия	4ч.	Проф. А. А. Байков	
Математика	4ч.	Проф. Д. А. Франк	
Политическая экономика	4ч.	Проф. И. А. Петромберг	
II курс.			
Анатомия и физиология животных	4ч.	Проф. Д. С. Саницын	
Метеорология	2ч.	Проф. А. В. Розенсонский	
Геология	2ч.	Проф. И. А. Довгоцкий	
Биология растений	4ч.	Проф. И. Я. Бульб	
Энтомология	4ч.	Проф. К. О. Диндман	Практ. занятия
Аналитическая химия	2ч.	Проф. А. А. Байков	
Минералогия	2ч.	Проф. С. П. Попов	
Лесоводство	2ч.	Проф. Г. Н. Висоцкий	
Систематика растений	2ч.	Проф. И. Я. Бульб	
Учение об удобрениях	2ч.	Проф. И. Я. Якушкин	
Органическая химия	2ч.	Проф. И. Я. Якушкин	
По дендрологии	2ч.	Проф. А. Н. Углицких	Практ. занятия
Зоология позвоночных	2ч.	Проф. И. Я. Петров	
Зоология беспозвоночных	2ч.	Проф. А. А. Шейер	

Сведения о численном составе Крымского университета на 1 января 1922 года (из фондов ГАРК).
http://museum.cfuv.ru/history/photochronicle/university_1921-1925/

в дружественно-критическом тоне каким-то лектором из бывших педагогов. В ответном тоне я дал шутнику отпор, включавший предупреждение на латинском языке *Memento ferre equum*⁵⁶. В этом предупреждении я намекал на то, что както в присутствии шутника-педагога демонстрировал силу, согнув подкову (правда, достаточно подержанную). Однако педагог не остался в долгу, уличив меня в плохом знании латинской грамматики: «*Memento*, — возгласил он, — требует после себя не винительного, а родительного падежа: «*Memento ferri equum*». «Дело не в падеже, — пробурчал я, — а в руках, согнувших подкову!»

Именины Дмитрия Фёдоровича Саницына были финалом его кратковременной, но яркой и плодотворной работы в Крыму. Неминуемое свершилось, и агрофак при Крымском университете им. Фрунзе был закрыт! Както, зайдя в кабинет ректора А. А. Байкова, я присутствовал при финале его разговора с Д. Саницыным. «Итак, Александр Александрович, ни я, ни моя жена и такие-то со-

трудники не могут рассчитывать сейчас в Университете на какую-нибудь работу?» — сухим, официальным тоном спрашивал Саницын, фиксируя ректора сквозь стекла своих безукоризненных очков. «Пока никаких! — Столь же сухо-официально отвечал Майков. — Что будет дальше — не знаю, но обнадеживать вас не буду. — Итак, нам придется расстаться? — По-видимому так, если вы не найдете в городе для себя ничего подходящего. — В таком случае, разрешите откланяться!» И Саницын, отвесив ректору официальный поклон, с достоинством удалился. Уже по тому разговору можно было судить, что они недолюбливали друг друга, и не без основания, так как, по существу, имели одинаковые шансы и права на занятие поста ректора Крымского университета — два волка в одной берлоге уживаются ведь редко.

Кажется, после описанного памятного мне разговора, я встретился с Саницыным не более 1—2 раз. Обещание свое он выполнил, оставив мне в наследство все свои часы по зоологии и биологии

А. А. Байков, металлург и химик, ординарный профессор Таврического университета (1918–1921), ректор Крымского университета им. М. В. Фрунзе (1921–1923), член-корреспондент Академии наук СССР (1928), академик (1932), вице-президент АН СССР (1941)

в Крымском рабфаке, и со свойственной ему и его супруге решительностью и стремительностью покинул Крым, чтобы устроиться в Минске, куда его уже давно звали. Однако пробыл он в Минске недолго, и не более чем через два года вполне легально укатил в Америку. О блестящей 10-летней карьере его в США и ее трагическом финале я расскажу впоследствии⁵⁷.

Находясь в Крыму в 1921 году, Дмитрий Федорович задумал работу, заметно отличавшуюся от ранее написанных, — статью (эту, как ее называл Сеницын) «Вечные цепи». Во-первых, интересна и драматична история ее создания: «Происхождение этой книжки обусловлено указанными причинами, но только с той разницей, что родилась она, по воле Русской Революции, несколько преждевременно»⁵⁸. Он был лишен книг по зоологии и лабораторного оборудования, но в его распоряжении была гуманитарная библиотека и много свободного времени. Оценивая великую роль происходящих событий, подчеркивал, что «Великая Русская Революция, в первом своем периоде разрушившая все, к чему Она только прикоснулась, рас-

чистила автору, как и всем другим, свободное поле для новых построений. Творческий период Революции наступает только теперь, и автор полагает, что он будет не менее велик, чем первый, так как он способен распространиться на весь человеческий мир и на все стороны человеческой жизни»⁵⁹, все же Дмитрий Федорович посвящает эту работу своему другу и жене «Людмиле, которая пережила с ним все горести и радости от поражений и побед, испытанных автором в его погоне за истиной... без "цепей"»⁶⁰. Во-вторых, цель статьи он определил так: «Связать результаты своих работ с тем, что сделано другими, ...распространить выработанное "у себя" мировоззрение за пределы своей специальности и найти там для него еще новые точки опоры»⁶¹. Сеницын-ученого «неминуемо влечет к человеку и "человеческому", как бы далеко он до сих пор не стоял от этого в своих специальных исследованиях»⁶². В-третьих, данный этюд, несмотря на его научный стиль, содержал автобиографические сведения. В-четвертых, Сеницын-публицист, как и в статьях 1918–1919 годов нижегородского периода, высказывал гражданскую позицию по текущему моменту.

Минск

Немного об истории организации высшей сельскохозяйственной школы в Минске.

В 1913 году особая комиссия по высшему специальному образованию при Государственной Думе внесла город Минск в список городов, где должны быть открыты высшие учебные заведения. В июле 1914 года Министерство земледелия начало изучать условия для организации высшей школы в Минске. Сбыться планам помешала Первая мировая война. После революции и установления Советской власти в Белоруссии вопрос о создании своей высшей сельскохозяйственной школы встал с особой остротой.

Справка ректората сельхозинститута в Наркомпрос СССР:

«Неоднократная оккупация, ряд империалистических войн на территории республики окончательно подорвали промышленность, сельское хозяйство и разрушили все культурные учреждения республики. Для восстановления экономической жизни края необходим многочисленный кадр специалистов по разным производствам и, в первую очередь, в сельском хозяйстве. Этих лиц в крае почти нет, так как большинство специалистов принадлежало к помещичьему классу, и с возрождением Польши ушло на запад. Подавляющий процент населения края — белорусское крестьянство — в прежнее время не могло добиться высшего образования. Открытие в Минске сельскохозяйственной школы даст краю работников из рабочего и крестьянского трудового класса. Оно создаст живой рычаг для поднятия благосостояния Белоруссии, заключающегося в ее собственных недрах — в ее полях и лесах. Рычаг этот и есть кадр ученых-специалистов: лесоводов и агрономов, получивших образование на родной почве и в своем родном краю. Кроме этого открытие имеет громадное политическое значение. Минск, как центр Белоруссии, является сильным притягательным центром, манящим к себе лучших, ищущих света сынов Белоруссии, отошедшей к Польше, и в число студентов поступают лица, переходящие границу»⁶³.

В 1920 году Военревком Белоруссии Постановлением от 10 декабря преобразовал бывший Минский техникум в Политехнический институт, при котором были открыты два факультета сельскохозяйственного направления. Главпрофобр РСФСР на заседании Коллегии 20 мая 1921 года признал существование высшей специальной сельскохозяйственной школы «крайне желательным» и зачислил бывший Политехнический институт в разряд ударных учебных заведений. Наконец, сельскохозяйственный отдел Главпрофобра РСФСР на заседании 13 декабря 1921 года зачислил сельскохозяйственные факультеты бывшего политехнического института в разряд высших учебных заведений. Наркомпрос Белоруссии 29 июня 1921 года внес Постановление о реорганизации политехнического

1. Александровский (Брестский) вокзал

2. Соборная площадь

3. Улица Губернаторская

4. Немига

5. Виленский вокзал

М

Минск

ХОД ЖИЗНИ

6. Доходный дом Абрампольского, в котором жили Синицыны

Улица Козьмодемьянская

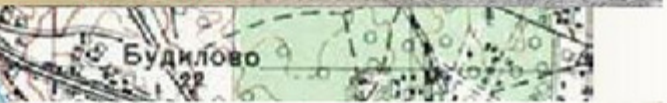
7. Улица Подгорная

Первый в Минске кинотеатр

8. Усадьба Лошица

Усадьба Лошица

Бывший владелец усадьбы Евстафий Любанский славился пристрастием к науке (в парке высаживал саженцы, привезенные из разных стран, проводил эксперименты по скрещиванию растений и т.д.). В 1925 году в усадьбе создали белорусский филиал Всесоюзного института растениеводства, который возглавил Н.И. Вавилов. Он заложил огромный сад – посадил немало экзотических растений (магнолия-кобус, маньчжурский абрикос, липа крымская, лиственница даурская, гортензия Бретштейнера и др.). В 2011 году после реставрации открылся Лошицкий усадебно-парковый комплекс, в 2015 – усадебный дом, в котором располагается музей истории и быта бывших хозяев – Прушинских и Любанских.

института в Институт сельского хозяйства, что и было одобрено ЦИКом Белоруссии 1 июля 1922 года. Организацию нового вуза поручили известному ученому-агроному, растениеводу Александру Трифионовичу Кирсанову (1880–1941), представителю наркомзема Адаму Семёновичу Славинскому (настоящая фамилия – Кочаровский) и агроному Н.К. Ярошевичу (декану лесного факультета Белорусского политехнического института) на правах временного правления. Председателем правления и ректором института назначили профессора А.Т. Кирсанова.

Самым трудным было найти ученые кадры сотрудников по основным сельскохозяйственным специальностям. Из академических центров РСФСР пригласили профессоров и ассистентов на кафедры I, II и III курсов. Следующей трудной задачей была организация учебно-вспомогательных учреждений. Значительно помогло то, что из политехнического в новый вуз отошел богато оборудованный геодезический кабинет, также отошли: лесной кабинет, часть химического оборудования, часть микроскопов, коллекция для минералогического кабинета, некоторое оборудование для кабинета зоологии, музей сельхозмашин и пр. Спустя короткое время институт приумножил материальную базу, оборудовав лаборатории аналитическую (на 25 мест) и агрономическую (на 10 мест), зал для занятий по микроскопии (на 25 мест), зоологический, ботанический кабинеты, кабинет почвоведения и др. Государство выделило вузу земли для проведения исследований, три совхоза, обеспечило лошадьми и инвентарем⁶⁴.

7 ноября 1922 года в Минске, в день пятой годовщины Великой Октябрьской революции, была открыта высшая сельскохозяйственная школа, получившая название Белорусский государственный институт сельского хозяйства. Необходимость открытия такого учебного заведения в Белоруссии созрела давно. Еще до революции ряд городских и земских самоуправлений Минской губернии выносили постановления об открытии

в Минске сельскохозяйственного высшего учебного заведения.

На заседании Правления Западно-Белорусского государственного института сельского хозяйства 26 марта 1923 года ректор профессор А.Т. Кирсанов докладывал о состоянии переговоров с профессорами и преподавателями, готовыми занять должности в новом вузе. Было отмечено: «Вследствие телеграммы профессора Синицына, изъявившего согласие занять кафедру зоологии в институте, считать его избранным на означенную кафедру с 1 мая с.г. и в качестве ассистента при означенной кафедре пригласить Людмилу Ивановну Синицыну»⁶⁵. На их переезд телеграфом перевели 10 тыс. рублей и уведомили, что вуз готов выслать дополнительно еще 5 тыс. на покупку морских животных для преподавания и для музея. Синицыны перевезли и лабораторию, и морских животных⁶⁶.

С 1923 года Д.Ф. Синицын состоял профессором Западно-Белорусского государственного сельскохозяйственного института.

Дмитрий Федорович сразу же включился в активную преподавательскую работу. 12 мая он участвовал в совещании академического персонала, где обсуждались вопросы по летней практике: место проведения, продолжительность, план занятий. По кафедре зоологии вслед за профессором-зоологом Д.А. Ласточкиным, заметившим, что еще есть время для обдумывания, выступил Д.Ф. Синицын с готовыми предложениями. Дмитрий Федорович сказал, что «на летнюю практику он смотрит как на ряд экскурсий со студентами (необязательность их для всех) в целях добывания того материала, которого нельзя было достать до сего; таких экскурсий предполагается 2, а затем этот материал будет рассматриваться со всеми, причем для каждого студента потребуется на это два двухчасовых занятия (по группам до 25 студентов каждая). Таким образом, нужно будет затратить на летние практические занятия 2 дня на экскурсии и по шесть двухчасовых занятий для каждой группы. Желательно проводить эти

Магнолия-кобус

Аллея лошицкого парка

работы в усадьбе Лошице, если не встретится затруднения в перевозке туда всех микроскопов и проч., что необходимо для работы. На лицо три руководителя»⁶⁷.

Д.Ф. Сеницын просил выделить на покупку материалов для практических работ 25 тысяч рублей, ректорат, ссылаясь на множество проблем, выделил 10 тысяч⁶⁸.

Возникли проблемы со студентами, которые в те годы имели право участвовать в заседаниях ученых советов. На заседании ученого совета 16 июня 1923 года решался вопрос о некоторых студентах, имевших задолженности по дисциплинам I курса. Ректор А.Т. Кирсанов предложил определить минимум сданных предметов за I курс и минимум сданных предметов «для оставления в числе студентов на том же курсе». Причиной постановки

Ландшафтный амфитеатр

вопроса послужила заметка в газете «Известия» от 8 июня о том, что для перехода на II-й курс студенты I-го курса должны сдать 60% всех предметов курса. Совет института ранее предупредил всех студентов о сдаче всех предметов. Вначале высказался представитель студентов Войцеховский, заявивший, что «определение 60% предметов курса

предполагает оценку каждого предмета тем или другим баллом, что только и дает возможность нормально провести то или иное исчисление 60-ти процентов»⁶⁹. Д.Ф. Сеницын указал на непедагогичность этого пути, т.к. студенты будут сдавать не те дисциплины, которые необходимы для прохождения II курса. Он предложил оценок не ставить, а для минимума выбрать из дисциплин I курса те, которые дадут студентам возможность беспрепятственно слушать новые предметы в следующем году. Войцеховский, отчасти согласившись с Д.Ф. Сеницыным, предложил минимум предметов: неорганическая химия, ботаника, зоология и кристаллография. Профессор возразил: «Для чтения дисциплин II курса необходимо знание математики и физики... химия неорганическая. Что касается ботаники и зоологии, то они как равноценные могут быть сданы на выбор»⁷⁰. К Д.Ф. Сеницыну присоединился А.Т. Кирсанов. Оказалось, что проблема студентов в математике: всех, полностью ее сдавших, было 20 человек, сдавших частично — 150. Поэтому студенты в лице их представителя настаивали на экзамене по математике на II курсе. Профессор А.Т. Кирсанов решил пойти навстречу студентам и предложил компромиссное решение: для перехода на II курс сдавать физику, математику (до 1 ноября следующего академического года с предварительными дополнительными занятиями по математике), ботанику или зоологию, химию. Для перехода на второй курс первокурсники должны сдать все зимние практические занятия и два любых теоретических предмета. «Студенты, служащие в советских учреждениях, предметы I курса могут сдать в течение двух лет»⁷¹.

В июле 1923 года Д.Ф. Сеницына направили в командировку в Жорновский лесотехникум для чтения

лекций, Людмила Ивановна — с ним. В сентябре Сеницыны и профессора института С.И. Яржемский, В.И. Переход, Б.К. Армфельт, Н.П. Беляев поехали в Москву для работы в библиотеках и на сельскохозяйственной выставке. Командированные получили задание приобрести учебные пособия для оборудования кабинетов.

6 октября 1923 года, накануне первой годовщины создания института, на заседании академического совета ректор А.Т. Кирсанов сделал сообщение о необходимости открытия при институте научного общества. «Общество это явилось бы завершением всей научной работы академического персонала института; оно способствовало бы еще более лучшему изучению природы и хозяйственной техники научными работниками института, а вместе с тем вовлекло бы в научную работу студентов института. Работа научного общества, несомненно, заинтересует и посторонних институту лиц, особенно известных агрономов и лесоводов, которые примут участие в этой работе. В настоящее время при Белорусском государственном университете существует научное общество, которое выделяет особую секцию по изучению природы»⁷². Секцию эту предлагалось переименовать в «секцию естествоиспытателей и врачей», что достаточно узко. Научная работа в области, например, агрономии и хозяйственной техники мало сюда подходит. Научное общество университета предложило объединить в указанной секции все научные силы, в том числе и сельскохозяйственного института. Но А.Т. Кирсанов поставил на обсуждение вопрос о целесообразности подобного слияния или открытия своего научного общества. «Научных работников в университете в области изучения природы довольно мало, так как там

Мостик
в Лошицком парке.
2010-е годы

нет естественно-исторического факультета»⁷³. Вновь открытое научное общество находилось бы в контакте с университетской секцией, что сделает возможным организацию совместных заседаний по некоторым вопросам. После голосования единогласно решили учредить свое научное общество. Для проведения в жизнь этого постановления организовали комиссию, в состав которой вошли профессоры А.Т. Кирсанов, И.И. Калугин, Д.Ф. Сеницын, В.Г. Касаткин, Д.И. Товстолес и Н.П. Беляев.

Профессор А.Т. Кирсанов предложил организовать в текущем году чтение публичных лекций, которые «имели бы целью осветить перед студентами и широкой публикой новейшие достижения в области науки и техники. ...Лекции эти устраивать платные и сборы с них обращать в пользу недостаточных студентов института. Организатором цикла таких лекций избран профессор Д.Ф. Сеницын»⁷⁴.

Д.Ф. Сеницына также включили в состав предметной биологической комиссии⁷⁵.

Ввиду увеличения числа студентов и развития учебной жизни института ректору профессору А.Т. Кирсанову стало трудно одному исполнять организационную, учебную и административную работу. 13 октября 1923 года на заседании правления он просил учредить должность заместителя. Правление постановило учредить должность заместителя ректора с зарплатой 600 рублей в месяц (с правом совещательного голоса, в отсутствие ректора — решающего). 16 октября Академический совет представил четыре кандидатуры: профессора Н.П. Беляев, В.Г. Касаткин, М.Ф. Колоколов, Д.Ф. Сеницын. Три последних в списке кандидата отказались, избрали Н.П. Беляева.

7 ноября 1923 года в актовом зале состоялось торжественное заседание совета института, посвященное первой годовщине со дня открытия Западно-Белорусского государственного института сельского хозяйства. С речью о достигнутых успехах выступил ректор профессор А.Т. Кирсанов и его заместитель профессор Н.П. Беляев. Далее последовали академические речи профессоров. Первым был Д.Ф. Сеницын с докладом «Ультрамикроскопические организмы и вопрос о жизни»⁷⁶. В целом собрание прошло с большим энтузиазмом.

2 марта 1924 года Дмитрий Федорович написал в правление института заявление: «В виду неуважительного отношения лиц, входящих в состав студенческих организаций, к научному обществу, председателем которого я состоял, я отказываюсь от совместной работы с ними по организации публичных лекций в пользу студентов и прошу правление освободить меня от возложенных им на меня обязанностей по этому делу»⁷⁷. На заседании правления заявление рассмотрели и постановили: «Признавая обстоятельства, повлекшие за собой настоящее заявление проф. Д.Ф. Сеницына, крайне прискорбным фактом, имеющим только некоторое оправдание в обстоятельствах, связанных с организацией студенческого благотворительного вечера, а также недопустимостью подобных явлений впредь, просить проф. Д.Ф. Сеницына взять свое заявление и продолжать дальнейшую работу»⁷⁸.

Но Д.Ф. Сеницын не был удовлетворен своей жизнью и, получив заграничный паспорт, вместе с женой Л.И. Сеницыной уехал сначала в Западную Европу, а потом в Америку.

Нью-Йорк – Вашингтон – Лос-Анджелес

D. Tidy, American Museum of Natural History, New York, November 28, 1926.

Можете писать мне по адресу, который я дал в заголовке письма, можете писать на прежнее имя – в музее его знают: как Вам удобнее. Мой домашний адрес: 55 W89 St.

Дорогой мой Александр Константинович!

*Конечно, это нехорошо с моей стороны не писать Вам о себе, но, если Вы примете во внимание мое состояние духа – очень подавленное – Вы должны будете извинить меня. Только теперь, по истечении полутора [лет], я снова почувствовал себя человеком, смеющим рассчитывать на будущее. И все это зависело от знания языка. Теперь мы зарабатываем вместе 180 дол. в месяц: сумма настолько порядочная, что можно жить, ни в чем себе не отказывая. Я получаю 100 дол. за работу в библиотеке музея и меня утешают обещаниями, что это положение временное и заменится другим, где я буду иметь возможность заниматься своим делом. Посылаю Вам мой первый опыт в английском языке. Я написал его сам, без помощи учителя (не было денег на него) и прочитал на заседании общества гельминтологов настолько «вразумительно», что даже вызвал обмен мнений. Американские зоологи заинтересовались моим докладом; так, по крайней мере, говорила мне девица, выдающая книги в библиотеке. Курьезная вещь: первым, кто откликнулся на этот доклад, оказался Odhner, о котором я упоминаю в своем докладе. Он прислал мне несколько своих брошюр с очень сердечными надписями. Повидимому, он прочитал этот доклад в *Journal of Parasitology* и сейчас же реагировал посылкой по адресу общества в Вашингтон, откуда ко мне и переслали его книжки.*

Я ничего не пишу о том, как мы живем, потому что все это, в подробностях, расскажут Вам Митя Насонов и его Соничка, которые бывали у нас и с которыми мы сдружились. Они дали нам слово, что «все расскажут» Вам и Марии Ивановне.

Пишите о себе. Не собираетесь ли в Америку? Мой дружеский совет: не показывайтесь сюда до тех пор, пока не овладеете разговорным языком.

Как дети? Пишите. Здесь проф. Марцинович, с которым мы о вас вспоминали.

Крепко целуем всех Вас и Марию Ивановну: нашу посаженную мамашу particularly.

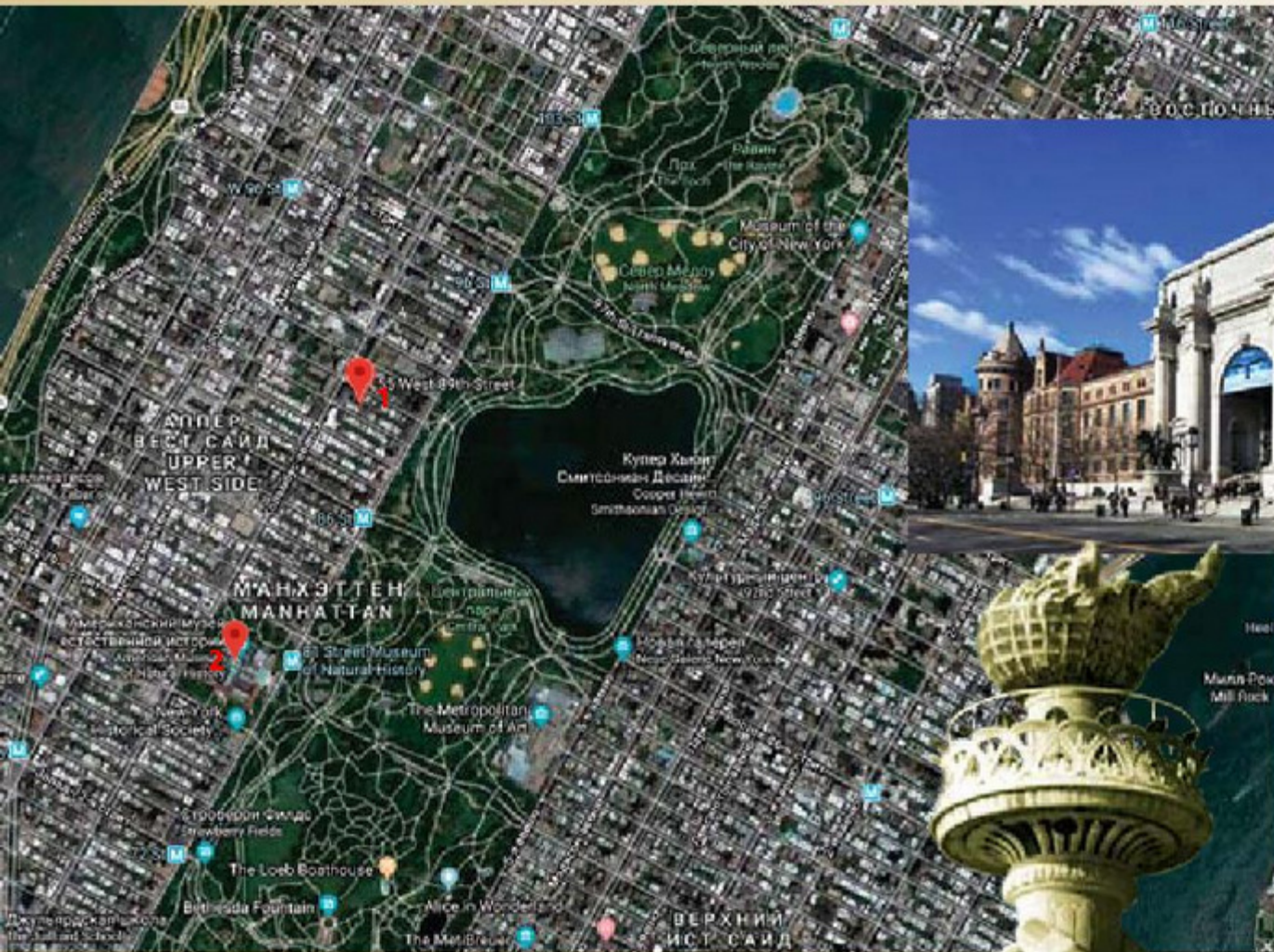
Ваши Тайди⁷⁹.

8. Дом, в котором жили Синицыны (55 W89 St.)

Нью-Йорк

2. Музей
естественной
истории

Интересный факт о жизни Д.Ф. Синицына в США и его работе в Американском музее естественной истории приведен в работе Майерса «История Герпетологии».

Димитрий Теодор Тайди (позже Синицын):

*Этот человек, очевидно, русский эмигрант, около 56 лет, отметил себя в неопубликованной рукописи как «доктор зоологии, Нью-Йорк, бывший приват-доцент Императорского Московского университета». Ему было 46, когда он был нанят под именем Тайди, изменив его на прежнее Синицын в течение своего короткого срока работы, сведения о которой несколько загадочны. Нобль (Директор музея. — Прим. авт.), очевидно, ожидал, что Синицын разберет и каталогизирует образцы, а также поработает с идентификацией коллекции южноамериканских ящериц. В должности Синицына исследований не значилось (Он значился препаратором. — Прим. авт.), но, вероятно, было соглашение, что он может проводить исследования в свое собственное время. 7 августа 1927 года, однако, Синицын написал Ноблю в Вудс-Хол, сообщая ему, что «...идентификация нашей коллекции южноамериканских ящериц на этот раз остановилась в продвижении, так как я «нацелился» сосредоточить мое внимание на описании новых видов *Prionodactylus* (*Teiidae*), которые я обнаружил в коллекции Марии из Колумбии».*

*Ответ Нобля (вероятно, от руки) недоступен, но можно догадаться, какая у него была реакция. В последующих недатированных письмах (написанных где-то в конце сентября), Синицын вел речь о своем отпуске, который, как он многозначительно сказал, будет в основном использован для подготовки к его работе, добавив при этом, что «...в дни, оплаченные музеем в сентябре, я разобрал и каталогизировал Китайскую коллекцию Поупа, как вы хотели». Синицын был уволен, предположительно с директивы Нобля, в конце года. Впоследствии он работал в Бюро животной промышленности Министерства сельского хозяйства США, где он принимал участие в исследованиях «промежуточных хозяев печеночной трематоды». Его новая герпетологическая карьера, таким образом, прервалась. Он опубликовал две работы, основанные на работе в музее (Синицын, 1928, 1930). Последняя была опубликована с посредничества Нобля спустя несколько лет после увольнения Синицына. Когда-то в конце 1928 или начале 1929 года, Синицын представил для публикации в музей 53-страничную рукопись «О некоторых из широконосых *Teiidae*, принадлежащих Американскому музею естественной истории», в которую вошли якобы новые виды ящериц,*

*в том числе один для имени *Noble*. В письме от 26 января 1928 года, однако, Нобль сообщил директору Шервуду, что рукопись Синицына была не возможна для публикации, но он предложил лично «...выбрать те виды, которые, наиболее вероятно, новые, чтобы исправить его (Синицына) рукопись для этих видов, и опубликовать документ под его именем... Сейчас проблема заключается в том, чтобы сгладить вопрос, не вызывая дальнейших трений». Шервуд передал предложение Нобля Синицыну, который с радостью согласился. Два года спустя (11 февраля, 1930) Нобль сообщил Синицыну: «Я прошелся очень внимательно по тексту рукописи, которая осталась в музее, и обнаружил, что только один вид действительно новый. В соответствии с нашим соглашением рукопись переделана с видами, которые были ре-визованы, и сдана в печать. Я прикладываю как доказательство эту бумагу. Г-н Берт, который недавно принял под свою ответственность работы в Южной Америке, оказывает содействие в ревизии, как указано в примечании».*

*Привлечение Берта к решению задачи было не очень хорошей идеей. Новым видом оказался Боливийский *Neusticurus ocellatus Sinitsin*, 1930 г., который в оригинале рукописи Синицына был признан исключительно на основе голотипа. Берт, однако, добавил при редакции 54 «паратипа» с перуанского района около 1000 км от типовой местности, создав композитный вид Синицынской ящерицы. Только недавно было показано (Vanzolini, 1995), что в описание этого вида вовлечены черты двух, и что *N. ocellatus Sinitsin* остается известным по сей день только из голотипа. Ноблю никогда не стало известно о неумелости Берта в подобных вопросах, но, кажется, и без того других проблем было достаточно⁸⁰.*

UNITED STATES DEPARTMENT OF
AGRICULTURE

Bureau of Animal Industry
Washington, D.C.
July 22, 1928
Dr. D. Sinitsin,

Дорогой Александр Константинович,

По-видимому между нами установился такой обычай, что мы долго не пишем друг другу, а потом пишем одновременно, так что наши письма встречаются на пути их назначения. Со времени моего последнего письма произошли крупные изменения в моей жизни к лучшему. Как видите из заголовка, я нахожусь в Вашингтоне, где и надеюсь укрепиться основательно, может быть, до конца своих дней. Я получил здесь постоянное место зоолога в Bureau of Animal Industry.

Я подчеркнул «постоянное», чтобы дать Вам понять, что я числюсь на государственной службе, что меня самого удивляет. Произошло это так: Dr. M. Hall, глава зоологического отделения Бюро, давно хотел заполучить меня в свое отделение, но этому мешали два обстоятельства, первое, что я иностранец и второе, что мне больше 45 лет. В этом году, однако, Dr. Hall нашел какую-то лазейку в законе, благодаря которой он мог провести меня, с веденья главы Департамента, конечно, в качестве неотвественного служащего в Бюро, в зоологическое отделение. Невыгода моего положения заключается только в маленьком жалованьи, 100 дол. в месяц, которое никак не может быть повышено, однако через два года, когда я получу права гражданина, я вместе с тем приобрету и права на повышение.

Я в высшей степени доволен своим положением. Я встретил здесь со стороны Dr. Hall'a и всего его штата в высшей степени дружелюбное и уважительное отношение. Мои работы по трематодам нашли здесь, в Америке, очень высокую оценку, и поэтому Bureau of Animal Industry дало мне полную свободу в выборе темы для моей работы, и я начал опять заниматься трематодами, историей жизни трематод, точнее. Dr. Hall очень смущен тем, что он не может повысить моего жалованья и говорит, что Бюро получает от меня гораздо больше того, что оно платит мне, но это обстоятельство несколько не угнетает меня и Людмилу, и мы прекрасно обходимся, не терпя никаких мучений. Hall и его зоологи нашли для нас очень хорошую и дешевую квартиру в двух шагах от Бюро и помогли обставить ее всем необходимым — у нас даже ледник есть в комнате, что при здешнем горячем лете является необходимостью.

Одним словом, дорогой Александр Константинович, я после 3,5 лет тяжелой жизни в равнодушном и шумном Нью-Йорке, нашел себе тихую пристань в красивом и симпатичном Вашингтоне, и если Вас беспокоила моя судьба, то теперь можно успокоиться.

Если Вам удастся получить командировку в Соед. Штаты, мы будем очень рады принять Вас у себя. У нас две обширные комнаты, в которых кроме нас двоих да птенчика дрозда, что я нашел в близлежащем парке и приютил у себя, больше никто не живет.

Мой адрес: 215-12th street, S.W., Washington, D.C.

Целуем всех Вас. Ваши Д.и Л. Сеницыны⁸¹.

Dmitri Feodorovich Sinitin, Zoologist,
Life histories of trematodes. (1926-1931).
1932

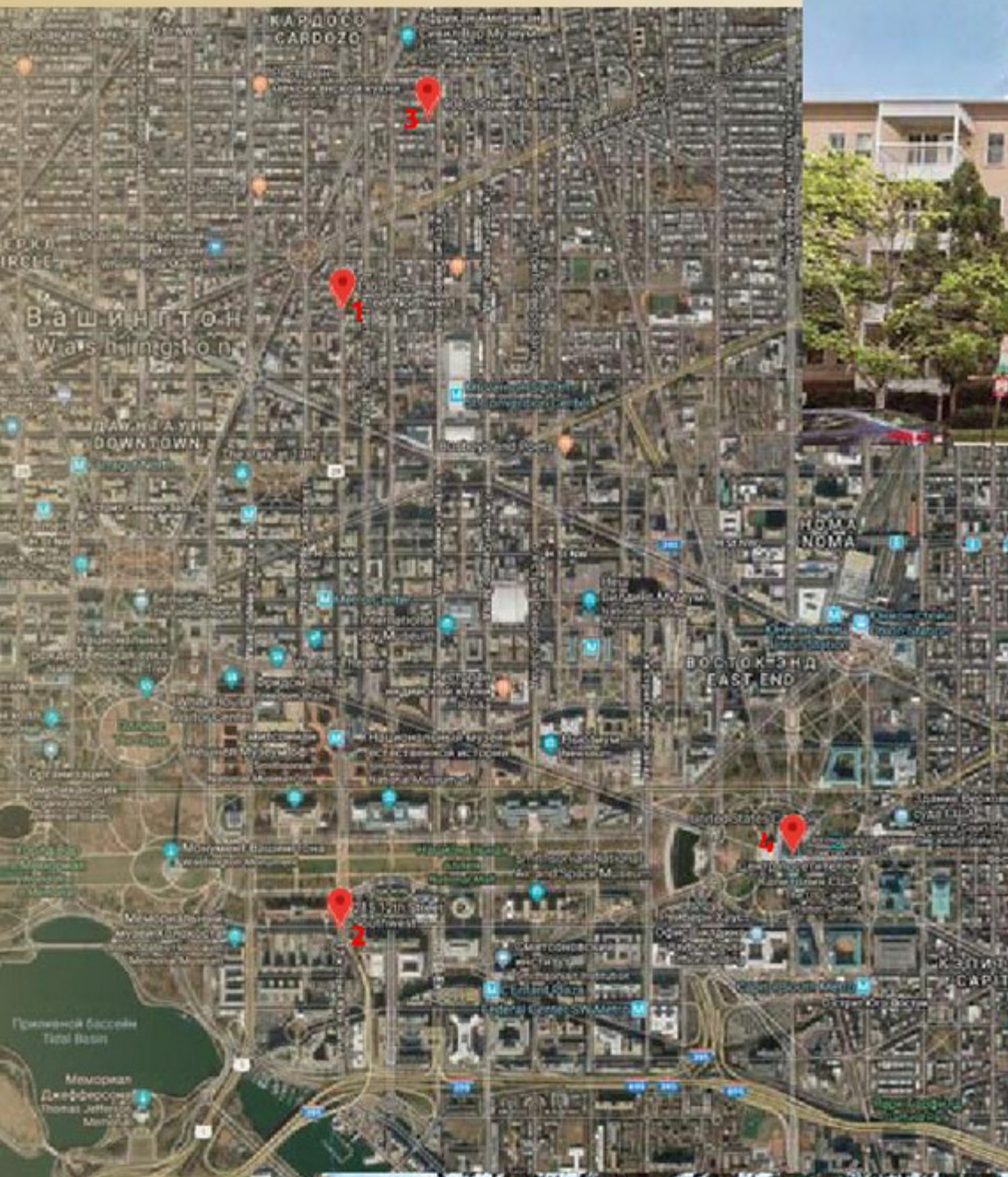
Д.Ф. Сеницын.
Фото из альбома
сотрудников
Bureau of Animal
Industries

1. Дом, в котором жили Сеницыны
(1307, 12th St. N.W.)

М Вашингтон

ХОД ЖИЗНИ

2. Дом, в котором жили Синицыны
(215, 12th St. S.W.)

3. Дом, в котором жили Синицыны
(908, B St. S.W.)

4. Капитолий

Washington, D.C.
Jan. 24, 1929.

Дорогой Михаил Николаевич,

Нам было очень приятно получить от Вас письмо и узнать, что Вы благополучно добрались на родину.

Мои дела идут очень хорошо. Я заканчиваю свою работу по истории жизни трематод живущих в Вашингтонских моллюсках, и когда она будет напечатана, непременно пришлю Вам оттиск. Мое официальное и материальное положение здесь значительно улучшилось, так как я получил назначение на место зоолога в Bureau of Animal Industry с вознаграждением 3200 дол. в год.

Washington, D.C.

Jan. 24, 1929

Дорогой Михаил Николаевич,

Нам было очень приятно получить от вас письмо и узнать, что Вы благополучно добрались на родину.

Мои дела идут очень хорошо. Я заканчиваю свою работу по истории жизни трематод, живущих в Вашингтонских моллюсках, и когда она будет напечатана, непременно пришлю Вам оттиск. Мое официальное и материальное положение здесь значительно улучшилось, так как я получил назначение на место зоолога в Bureau of Animal Industry с вознаграждением 3200 дол. в год.

В марте мы с Людмилой Ивановной отправляемся в Калифорнию и Орегон на несколько месяцев, потом в Техас и Флориду; если будете писать, адресуйте в Вашингтон.

Если для Вас не составит большого труда, узнайте для меня адрес моего знакомого: Бориса Васильевича Лаврова, преподавателя русского языка.

Филипьев делал доклад о своих работах по систематике нематод на декабрьском заседании гельминтологического общества. Произвел хорошее впечатление. На днях он возвращается в Россию.

Всего вам хорошего

Ваш Д. Синицын⁸².

В Марте мы с Людмилой Ивановной отправляемся в Калифорнию и Орегон на несколько месяцев, потом в Техас и Флориду; если будете писать, адресуйте в Вашингтон.

Если для Вас не составит большого труда, узнайте для меня адрес моего знакомого: Бориса Васильевича Лаврова, преподавателя русского языка.

Филипьев делал доклад о своих работах по систематике нематод на декабрьском заседании гельминтологического общества. Произвел хорошее впечатление. На днях он возвращается в Россию.

Весь Вам кирило-
ваш Д. Синицын

Phoenix, Arizona,

Oct. 19, 1929.

Дорогой Александр Константинович.

«Мы, слава Богу, живы и здоровы, чего и Вам желаем от Бога», как я писал обыкновенно своим родителям из Духовного училища. Около 1,5 месяца мы жили в Davis, California, затем на университетском автомобиле поехали в Oregon, где в Corvallis's, Agriculture College, проработали все лето. Здесь мы купили себе автомобиль (Форд, купе, за 400 долларов) и поехали путешествовать самостоятельно по западным и южным штатам. Правительство оплачивает мои расходы по содержанию автомобиля. Из Орегона мы поехали в Неваду, Reno, оттуда, через Elko, в Boise, Idaho, потом в Montana, затем в Utah, Salt Lake City, затем в Colorado, New Mexico, и наконец в Arizona, откуда я Вам и пишу. Завтра мы выезжаем в Texas, где пробудем месяца два с целью изучить Dist. magnit. Людмила ездит со мною в качестве моего помощника по части моллюсков. За это время мы собрали очень хорошую коллекцию их. Пишите, если вздумаете, по старому адресу на Вашингтон, Bureau of Animal Industry. Целуем всех Ваших очень крепко. Привет Насоновым, молодым и старым, привет Римскому-Корсакову.

Ваш Д. Синицын⁸³.

Dimitry Fedorovich Sinitsin
 908 B Street, S. W.
 Washington, D.C.
 Oct. 12, 1930

Дорогой Александр Константинович!

Вот уже полгода, как я сижу неподвижно в Вашингтоне и разрабатываю материал, который собрал за время путешествия в 1928–1929 г. Людмила занимается тем же, обрабатывает в музее моллюсков. Я уже сдал своему начальству три рукописи для публикации: 1) О печеночных листвятицах в Америке, 2) Реклассификация *Harmostomidae*, основанная на анатомии и истории жизни нескольких американских видов и 3) Филогения диг[енетических] трематод на основе новых данных, полученных мною из изучения эмбриологии двух видов дистом из Орегона. Кроме того, я послал на международный зоологический конгресс в Падуде доклад об отношении между моллюсками, трематодами и позвоночными. В этом докладе я провожу идею, что спиральная раковина гастропод есть последствие сожительства их с трематодами и что вымирание ряда мезозойских рептилий, хозяев некоторых видов трематод, повело к появлению гастропод с дегенеративной раковиной. Письмо Ваше получил. Пишите. Марье Ивановне от нас привет.

Ваш Д. Сеницын⁸⁴.

D. Sinitsin
 1307 – 12th St. N.W.,
 Washington, D.C.
 July 3, 1931.

Многоуважаемый Михаил Николаевич.

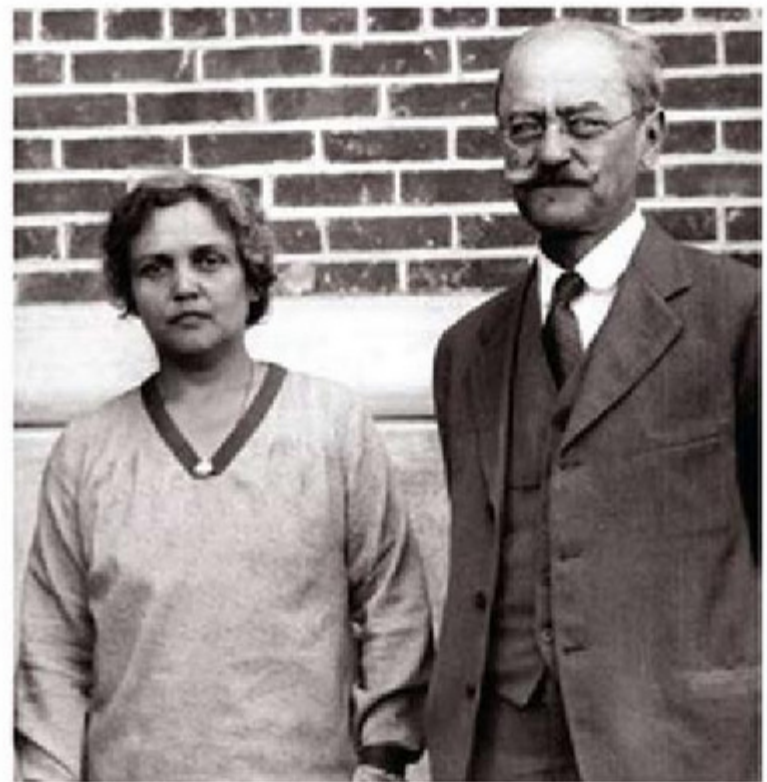
Сегодня я получил от Prof. Henry B. Ward, Illinois University (Urbana, Ill.), письмо, в котором он жалуется на трудность завязать сношения с русскими зоологами. Я написал об этом Скрыбину, но боюсь, что он по своему обыкновению не ответит. Так как Вы имеете большое касательство к паразитологии, то я думаю, Вы заинтересуетесь этим делом. Проф. Ward считается здесь отцом американской паразитологии, он же является основателем и редактором *Journal of Parasitology*.

На обороте Вы найдете некоторые места из его письма ко мне.

Я уже не служу в Department of Agriculture; так как мое начальство не разрешало мне печатать мои работы так, как я хочу и где я хочу, я вышел в отставку.

Надеюсь, Вы получили мою статью «*Studien etc. IV*» из *Zeitschr.f.wiss.Zool.*?

Ваш Д. Сеницын⁸⁵.

Л.И. и Д.Ф. Сеницыны в Орегонском университете (фото из архива Орегонского университета)

Phoenix, Arizona,
 Oct. 19, 1929.

Дорогой Александр Константинович:
 "Мы слава богу, живы и здоровы, тело и Ваш дилемма от бога", как я писал обыкновенно своим родителям из Аделаиды Чилианцы. Около 12 месяцев мы жили в Дави, California, затем на университетском автомобиле поехали в Орегон, где, в Corvallis's, Agriculture College, заработали все лето. Затем мы купили себе автомобиль (Форд, купил за 700 долларов) и поехали путешествовать самостоятельно по западным и южным штатам. Препятствием являлись для нас расходы по содержанию автомобиля. Из Орегона мы поехали в Неваду, Рено, оттуда, через Елко, в Воисс, Лаво, потом в Монтана, затем в Итас, Salt Lake City, затем в Колорадо, Нью-Мексико, и наконец в Аризона, оттуда в Ваш и пишу. Завтра мы выедем в Техас, где пробудем между два е целью изучить Dist. трематод. Людмила едет со мной в качестве моего помощника по газету моллюсков. За это время мы собрали очень хорошую коллекцию их. Пишите, если забудете, по старому адресу на Вашингтон, Bureau of Animal Industry. Целую всех Ваших очень крепко. Привет Марьяновне, Людмиле и старшим, привет Ринскому-Каревакову. Ваш Д. Сеницын.

7
DIMITRY FEDOROVICH SHITSIN
908 B STREET, N. W.
WASHINGTON, D. C.

Oct. 12, 1930.

Дорогой Александр Кинетамкивич!

Вот уже полгода, как я сижу неподвижно в Вашингтоне и разрабатываю материал, который собрал за время путешествия в 1928-1929 г. Людмила занимается тем же, обрабатывает в музее моллюсков. Я уже ездил еженедельно каталогам три рукописи для публикации: 1) Писемных метельниц в Америке, 2) Реконструкция *Parasitoidae*, основанная на анатомии и истории жизни нескольких американских видов и 3) Филония для трематод на основе новых данных трематоды из моего из музея Эмбриологии

© СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 7, 8

8

двух видов гнетом из Орегона. Кроме того я поехал на международный зоологический конгресс в Падуе доклад об отношении моллюсков, трематод и позвоночных. В этом докладе я привожу идею, что спиральная раковина гастронид есть последствие осимметрии их в трематодах и что вымирание ряда мезозойских рептилий, хозяев некоторых видов трематод, повело к появлению гастронид с денеративной раковиной. Тельмо Ваше получило. Пишите. Марья Ивановна от нас привет
Ваш Д. Шитсин.

5
D. Shitsin
1307-12th St. N. W.,
WASHINGTON, D. C.

July 3, 1931.

Многу благодарен Михаил Николаевич:

Получил от Prof. Henry B. Ward, Illinois University (Urbana, Ill.), письмо, в котором он предлагает по трудностям собрать экземпляры в ружьиши зоологам. Я написал об этом Скрибну, но боюсь, что он по своему обыкновению не ответит. Так как вы имеете большое казачество к паразитологии, то я думаю вы заинтересуетесь этим делом. Prof. Ward читает здесь эту же американскую паразитологию, он же является основателем и редактором *Journal of Parasitology*.

На обороте вы найдете некоторые сведения из его письма к мне.

Я уже не сижу в Department of Agriculture; так как мы наконец не разрешили мне печатать мои работы так, как я хочу и где я хочу, я вышел в отставку.

Надеюсь, вы получили мою статью "Studies etc. IV" из *Zeitschr. f. wiss. Zool.* ?

Ваш Д. Шитсин.

© СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 482. Л. 5

7 апреля и несколько дней позже практически все американские газеты пестрели заголовками о трагическом инциденте с Синицыными.

Во время ночлега в авто-кампусе Людмила Ивановна облила бензином постель и подожгла. Дмитрий Федорович, проснувшись, вынес жену из горящего помещения. Людмила Ивановна получила сильные ожоги и 12 апреля скончалась в больнице. Дмитрий Федорович залечил полученные ранения в той же больнице.

VOL. LIII. NO. 86

EL PASO, TEXAS, SATURDAY, APRIL 9, 1932

El Paso Herald-Post

Weather Forecast: Fair tonight and tomorrow; colder tonight; probably frost in valley.

Home Edition

Three Cents in El Paso
Five Cents Outside El Paso

TEN PAGES

ADS INDICATE LINDY TRICKED IN BABY DEAL

"Have You Crossed Me?" Reads "Jalsie" Plea in Newspaper

NEGOTIATION BLOCKED

Follow New Lead in Search For Child When West's Trial Issues Cold

DOUGHERTY'S JURY—Nominations for return of Mr. Douglas Dougherty into state have failed for the first time.

Those who would help to bring back to the country the work force are to be held, and the U.S. government and its agencies are working over trade and other matters to bring them back.

They have the intention of doing so, but the government is not doing it.

It is not clear whether the government is doing it, but it is not clear whether the government is doing it.

The government is doing it, but it is not clear whether the government is doing it.

The government is doing it, but it is not clear whether the government is doing it.

The government is doing it, but it is not clear whether the government is doing it.

The government is doing it, but it is not clear whether the government is doing it.

H. M. RANCH KING TAKEN BY DEATH

One-Pound Baby's Title Disputed

CHARGE TEXAS DRY AGENTS WITH MURDER OF GROCER

VETS TO ASK BONUS SUPPORT BY THOMASON

V.F.W. Circulate Petitions Seeking Signatures Favoring Bill

TORCH VICTIM DOESN'T FEEL PAIN

Mrs. Sinitsin Kept Alive by Water Injections Into Blood

WOMAN SHOT DURING RAID NEAR DALLAS

Two Prohibition Officers Declare They Slew in Self Defense

Mrs. Sinitsin Kept Alive by Water Injections Into Blood

By MURRAY NEAL

THREE quarts of water injected into the veins of her leg is keeping Mrs. Ludmilla I. Sinitsin, 45, alive at City-County hospital.

Mrs. Sinitsin is near death, her body parched by the flames which she says she had hoped would end her life and that of her husband, Dr. Dimitry F. Sinitsin, Russian scientist.

The life-giving water, mixed with salt, trickles through a hypodermic needle into her blood.

Her body must have plenty of water to fight the burns, nurses explained. A quart must be sent into her veins every eight hours.

She can take no food. She is able to retain only a small amount of the water she drinks.

HER lips are dried and black. With a crisp hand she brushes the singed gray hair from her brown eyes.

She talks in half syllables. "It would be all right, if it were all over now," she said. "Since it happened this way, though, I had rather live."

A sheet covers the upper portion of her blackened body. The burned skin hangs loosely. The nurses compare it to a leather coat.

A wooden frame over the bed covers the lower portion of her body to keep the blankets from touching the scorched skin. She is burned from her head to her knees.

She does not complain of the pain.

MRS. LUDMILLA SINITSIN

MRS. SINITSIN and her husband were burned when she set fire to the tourist camp bed in which they were sleeping at 4800 Alameda early Thursday.

Dr. Sinitsin said his wife is suffering from a mental condition. He was burned on the arm and side when he beat out the flames that enveloped his wife.

Dr. Sinitsin visits his wife every hour. She greets him with a smile. "I'm feeling better," she says each time he goes to her bedside.

"Why don't you wear a collar and brush your hair when you come to see me?" she asked.

Dr. Sinitsin explained that his shirt must be removed often to treat the burns on his arm.

DR. SINITSIN has received numerous telegrams from friends in Washington, where he was assistant zoologist in the bureau of animal industry.

He is lonesome and friendless. Tears fill his eyes and run down his brown cheeks when he mentions his wife.

"I don't know what is best for her," he said. "If she lives, she may never be right again. If she dies—I do not know."

"I am afraid her trouble is deep-seated. We went through so much in Russia."

"WE rowed a boat on the Volga river for 100 miles and walked 200 miles more to get away from the 'red' army. Twice I stared into the face of death. They stood me against a wall to shoot me. They thought I was a spy. "And now I have faced death in a blazing room."

Dr. Sinitsin speaks with a crisp accent. His steel gray hair has thinned. To read, he must hold the print close and look through heavy glasses. His shoulders are slightly stooped. His gray mustache is stained by cigaret smoke.

"I do not know what to do," he said. "I have no money and no relatives, only my two loves, my wife and my work."

Billion-D Block

The Coshocton Tribune

THE IOLA DAILY REGISTER

ARROW TRUMP SHIRTS
\$1.00
RICE'S

CLEAN AT A LOW COST

100	120	150
120	150	180
150	180	210
180	210	240
210	240	270
240	270	300

Split and Ignite Cleaners

FLUKE MOUTH TO ECONOMY
POPE STORE

Daily News Standard

WANTING TO BE A WINNER

CHAS. SKYTORL DIED THURSDAY

PERSONALS

THE GROWING POWER OF THE DOLLAR

UNION SUPPLY CO.

and Out-Door Furniture

Rugs, Carpets, Linoleums 20% Savings

Rugs and Carpets in the New-Oriental

Don't Buy Until You See Long's Furniture and Rugs

LONG & COMPANY

"ELMER"

ELMER'S PA ELMER ELMER'S NA

A Full Color Page Every Saturday

Beginning Tomorrow in

THE NEWS STANDARD

THE PAPER THAT GIVES YOU THE NEWS

ЖЕРТВА ОГНЯ НЕ ЧУВСТВУЕТ БОЛИ

Жизнь госпожи Синицыной поддерживают водные инъекции в кровь

Мюррей Хил

Три кварты воды, введенные в вены ноги, удерживают жизнь 45-летней Людмилы И. Синицыной в Городской окружной больнице.

Госпожа Синицына при смерти. Ее тело обожжено пламенем, которое, как она надеялась, положит конец ее жизни и жизни ее мужа, русского ученого доктора Дмитрия Ф. Синицына.

Госпожа Синицына лежит под капельницей, ей в кровь внутривенно вводят соляной раствор.

Медсестры объяснили, что для борьбы с ожогами телу пациентки необходимо много воды. Кварты соляного раствора должна поступать в ее вены каждые восемь часов.

Она не может принимать пищу, только пьет воду, которая ее и поддерживает.

Ее губы ссохлись и почернели. Ослабевшей рукой она убирает опаленные седые волосы с карих глаз.

Она с трудом выговаривает слова: «Было бы хорошо, если бы все закончилось сразу, но если это случилось так, как случилось, я, скорее всего, буду жить».

Обгоревшая кожа свисает с почерневшего тела, покрытого простыней. Медсестры сравнивают это с кожаным пальто. Деревянный каркас поверх кровати удерживает одеяло, прикрывающее нижнюю часть тела, и не дает ему касаться обгоревшей кожи. Ожоги покрывают тело с головы до колен. Она не жалуется на боль.

Миссис Синицына и ее муж оказались в огне, когда она подожгла кровать в кемпинге, где они ночевали, рано утром в четверг. Д-р Синицын сказал, что жена страдает психическим расстройством. Он получил ожоги на руке и боку, когда сбивал пламя, охватившее жену.

Д-р Синицын ежечасно навещает ее. Она встречает его улыбкой.

«Я чувствую себя лучше, — говорит она каждый раз, когда видит его. — Почему бы тебе не надеть воротничок и не причесаться, когда приходишь ко мне?» Доктор Синицын объясняет ей, что рубашку нужно часто снимать, чтобы лечить обожженную руку.

Доктор Синицын получил многочисленные телеграммы от друзей в Вашингтоне, где он служил ассистентом зоолога в бюро животноводства. Он печален и одинок. На глаза наворачиваются слезы и катятся по смуглым щекам, когда он говорит о жене.

«Я боюсь, что она неизлечима, и не знаю, что для нее лучше, — говорит он. — Если она останется в живых, она никогда не будет прежней. Если умрет — я не знаю что делать».

Мы так много пережили в России. На лодке мы проплыли 100 миль по Волге и прошли еще 200 миль, чтобы уйти от красных. Дважды я смотрел смерти в лицо. Меня ставили к стенке, чтобы расстрелять, так как подозревали, что я шпион. А теперь я столкнулся со смертью в горящей комнате».

Доктор Синицын говорит с сильным акцентом. У него поредевшие жесткие седые волосы. Он пользуется сильными очками и читает, поднеся газету близко к глазам. Он немного сутулится. Его серые усы пожелтели от сигаретного дыма.

«Я не знаю, что делать, — сказал он. — У меня нет денег и нет родственников, только две любви — моя жена и моя работа»⁸⁶.

ОТКРОВЕНИЕ УЧЕНОГО О ДАВНЕЙ ДОГОВОРЕННОСТИ УМЕРЕТЬ ВМЕСТЕ, КОТОРУЮ НЕ УДАЛОСЬ ОСУЩЕСТВИТЬ ЖЕНЕ

Эль-Пасо, Техас. Апрель.

Историю о том, как жена пыталась выполнить давнее обещание умереть вместе с мужем, данное в Москве (Россия) четверть века назад, рассказал русский ученый, выздоравливающий после серьезных ожогов в больнице города Эль-Пасо. В той же больнице врачи боролись за жизнь его жены, которая получила сильнейшие ожоги, предположительно, в результате попытки покончить с жизнью, забрав с собой жизнь мужа.

— Моя жена и я очень любим друг друга. Мы поженились 25 лет назад в России и поклялись умереть вместе, — рассказывал 63-летний Дмитрий Ф. Синицын. — Несколько недель назад Людмила — жена — стала подозрительной. Она убедила себя, что я не в своем уме и собираюсь бросить ее, что мы прожили достаточно долго, и для нас обоих лучше умереть сейчас. Я с ней не соглашался, говоря, что мы еще будем вместе много лет. Кроме того, я написал несколько научных работ, и, прежде чем умру, хотел бы узнать, как мои книги будут приняты. В четверг, пока я спал, моя жена облила бензином кровать и подожгла. Когда я проснулся, она лежала рядом, цепляясь за меня. Я вырвался и вытащил ее из пылающей постели. Мы оба сильно обгорели, прежде чем я смог перенести ее в безопасное место.

Доктор Синицын приехал в Соединенные Штаты восемь лет назад и некоторое время работал в Бюро животноводства в Вашингтоне.

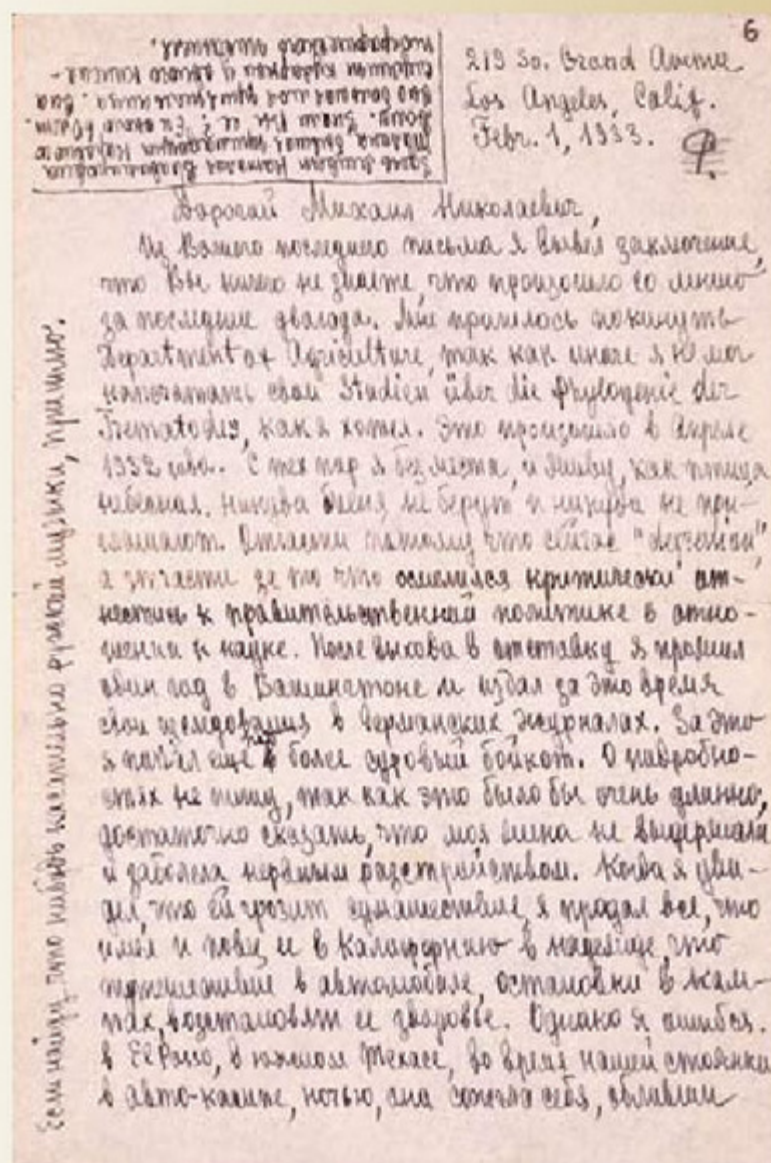
Он известен во всем мире своим открытием сосальщика, паразита, поражающего овец, зачастую со смертельным исходом⁸⁷.

В письме М.Н. Римскому-Корсакову Д.Ф. Сеницын рассказал о смерти жены:

219 So. Grand avenue
Los Angeles, Calif.
Febr. 1, 1933.

Дорогой Михаил Николаевич,

Из Вашего последнего письма я вывел заключение, что Вы ничего не знаете, что произошло со мною за последние два года. Мне пришлось покинуть Department of Agriculture, так как иначе я не мог напечатать свои Studien über die Phylogenie der Trematodes, как я хотел. Это произошло в апреле 1932 года. С тех пор я без места, и живу, как птица небесная. Никуда меня не берут и нигде не приглашают. Отчасти, потому что сейчас «depression», а отчасти за то, что осмелился критически отнестись к правительственной политике в отношении к науке. После выхода в отставку я прожил один год в Вашингтоне и издал за это время свои исследования в Германских журналах. За это я попал еще под более суровый бойкот. О подробностях не пишу, так как это было бы очень длинно; достаточно сказать, что моя жена не выдержала и заболела нервным расстройством. Когда я увидел, что ей грозит сумасшествие, я продал всё, что имел, и повез ее в Калифорнию в надежде, что путешествие в автомобиле, остановки в кампах восстановят ее здоровье. Однако я ошибся. В El Passo, в Южном Техасе, во время нашей стоянки в авто-кампе, ночью, она сожгла себя, обливши постель, в которой мы спали, бензином. Я тоже пострадал от ожогов, так как боролся с ней и вынес ее из огня за двери кабины. Через месяц я был уже здоров, а она умерла на третий день. До конца она сохранила сознание, не жалела, что решилась на такой шаг, и умерла с уверенностью, что это поможет мне в моей борьбе в науке. После того как я сделался способным править автомобилем, я поехал дальше на запад, и прибыл в Los Angeles, где и решил обосноваться. Здесь два университета, the University of California, который представляет южное отделение университета в Беркей, и University of Southern California. Кроме того, имеется еще Калифорнийский политехникум, где кафедру зоологии занимает сейчас Morgan. Ни в одном из этих учреждений не удалось мне найти работы, и за девять месяцев жизни здесь, которые я мог продержаться на деньги, вырученные от продажи моего автомобиля, я получил только две лекции в University of California, за которые мне заплатили 100 долларов. Есть надежда, что теперь я что-нибудь получу, потому что этими лекциями я, что называется, прославился: во всех американских газетах, включая New York Times, были напечатаны телеграфные отчеты о моей

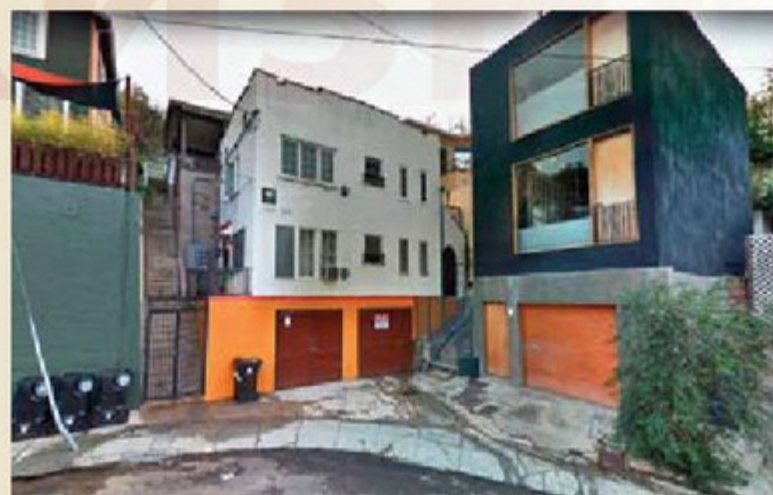
© СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 482. Л. 6-7

новой теории афанобионтов, объясняющей происхождение жизни.

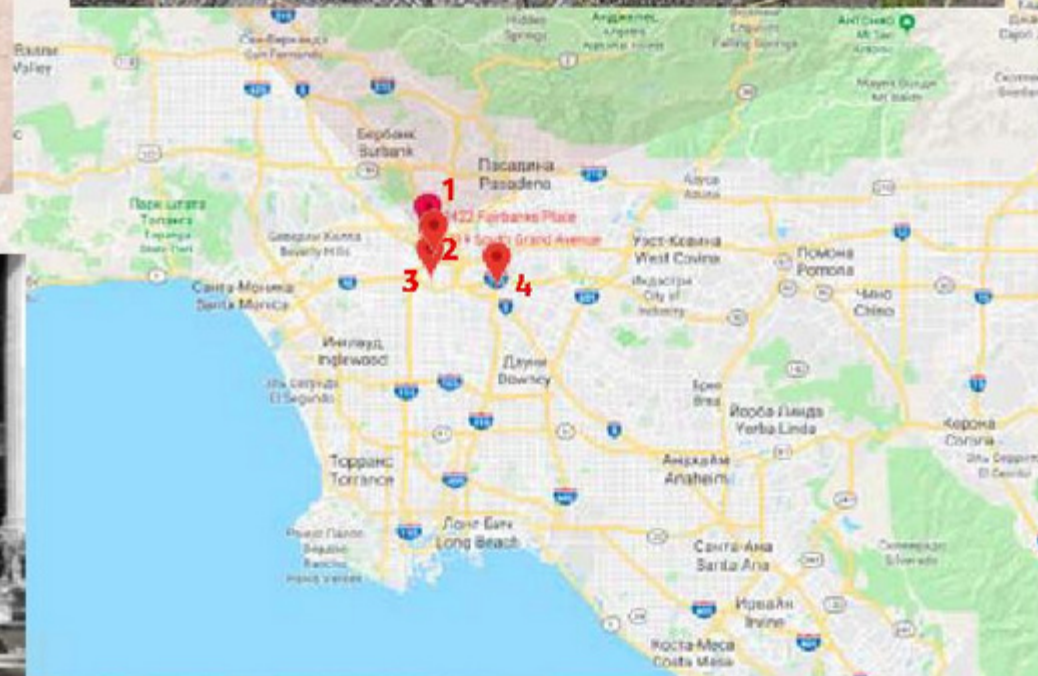
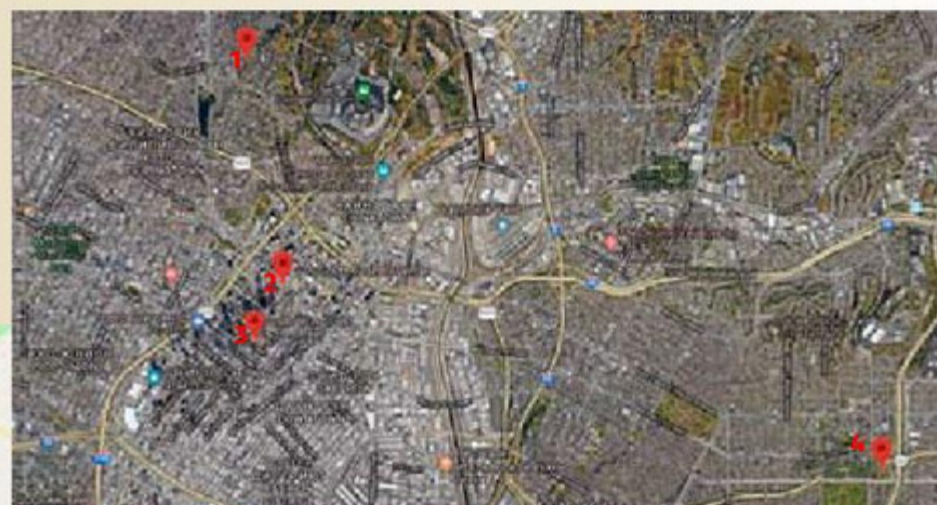
Вот пока и все. Ваш Д. Сеницын.

На полях: Здесь живет Наталия Владимировна Талана, бывшая примадонна Народного Дома. Знали Вы ее? Ей около 60 лет. Она большая моя приятельница. Она служит кухаркой у одного кинематографического писателя. Если найду что-нибудь касательно русской музыки, пришлю. Передайте Быховскому, что я его брошюры получил, благодарю его за это и выражаю сожаление, что не могу послать ему своих работ, так как не имею отпечатков. Буду рад ответить ему на его вопросы касательно филогении трематод⁸⁸.

Лос-Анджелес

1. Дом, где снимал квартиру Д.Ф. Сеницын. Лос-Анджелес (Калифорния)

Моя мать, в которой мы стали, бедными. Я так же потерял от ошибок, так как боролся с ней и вывел ее из окна за дверь кабинета. Через месяц я был уже счастлив, а она умерла на третий день. Но когда она вернулась из больницы, то выжила, это означало на такой шаг, я умираю с уверенностью, что это поможет мне в моей борьбе за свободу науки. После того как я сделал несколько практик автомобилей, я поехал дальше на запад, и прибыл в Los Angeles, где и решил обосноваться. Здесь два университета, The University of California, который представляет собой отделение Физико-математика в Беркли и University of Southern California. Кроме того имеется еще Калифорнийский Политехнический, где карьеру закончил занимаясь в области физики. Ни в одном из этих учреждений не удалось мне найти работы, и за девять месяцев жизни здесь, которые я прожил на деньги вырученные от продажи своих автомобилей, я получил только две лекции в University of California, за которые мне заплатили 100 долларов. Есть надежда, что теперь с той же целью, там же, что этими лекциями я, что называю, пролазил: во всех американских газетах, включая Нью-Йорк Times, были напечатаны титлы о моей новой теории атомов, взрывающейся при соединении ядрами. Вот так и я. Вам Д. Сеницын.

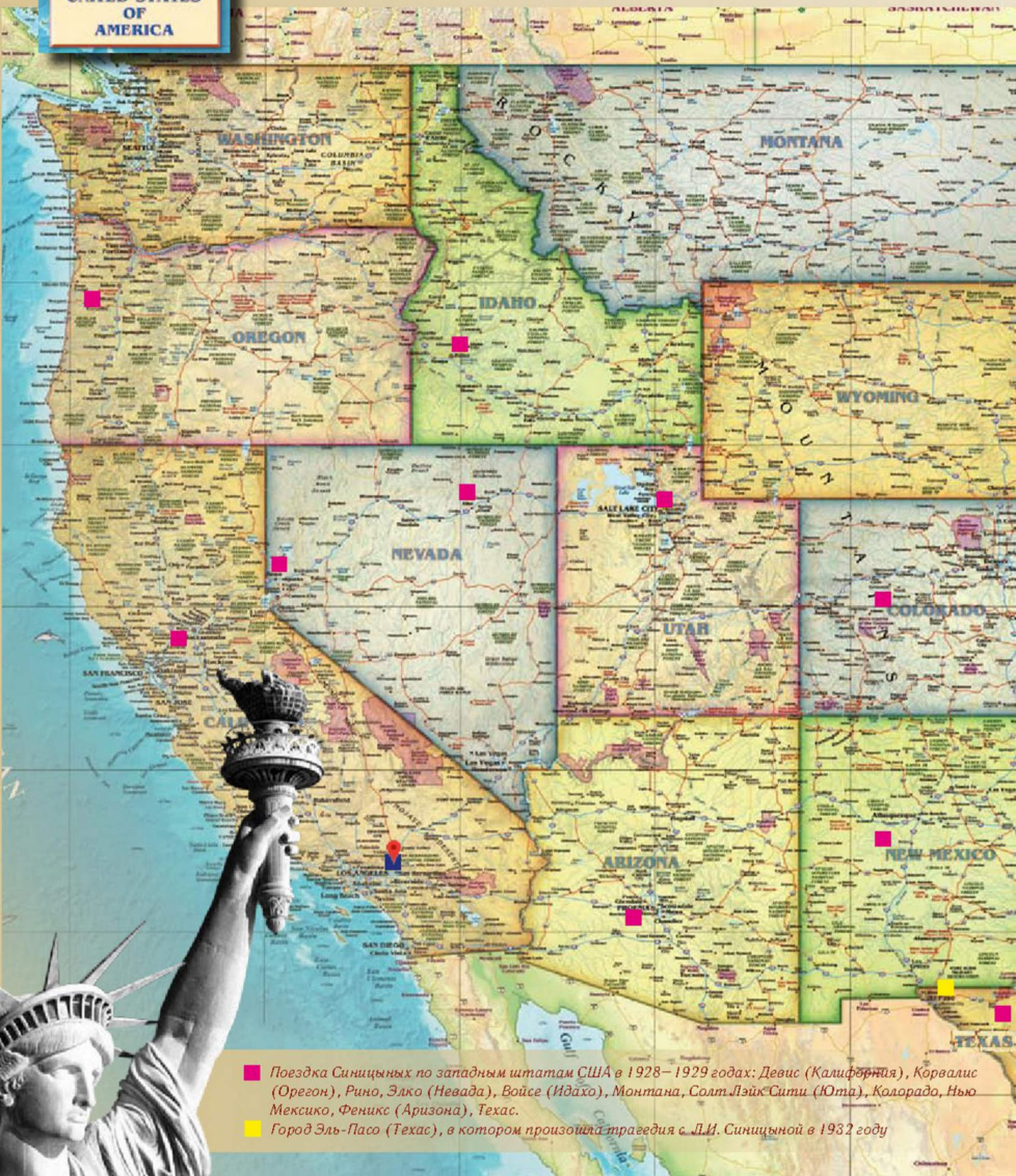

3. Угол 6th и Olive Str (Лос-Анджелес). 1930-е годы

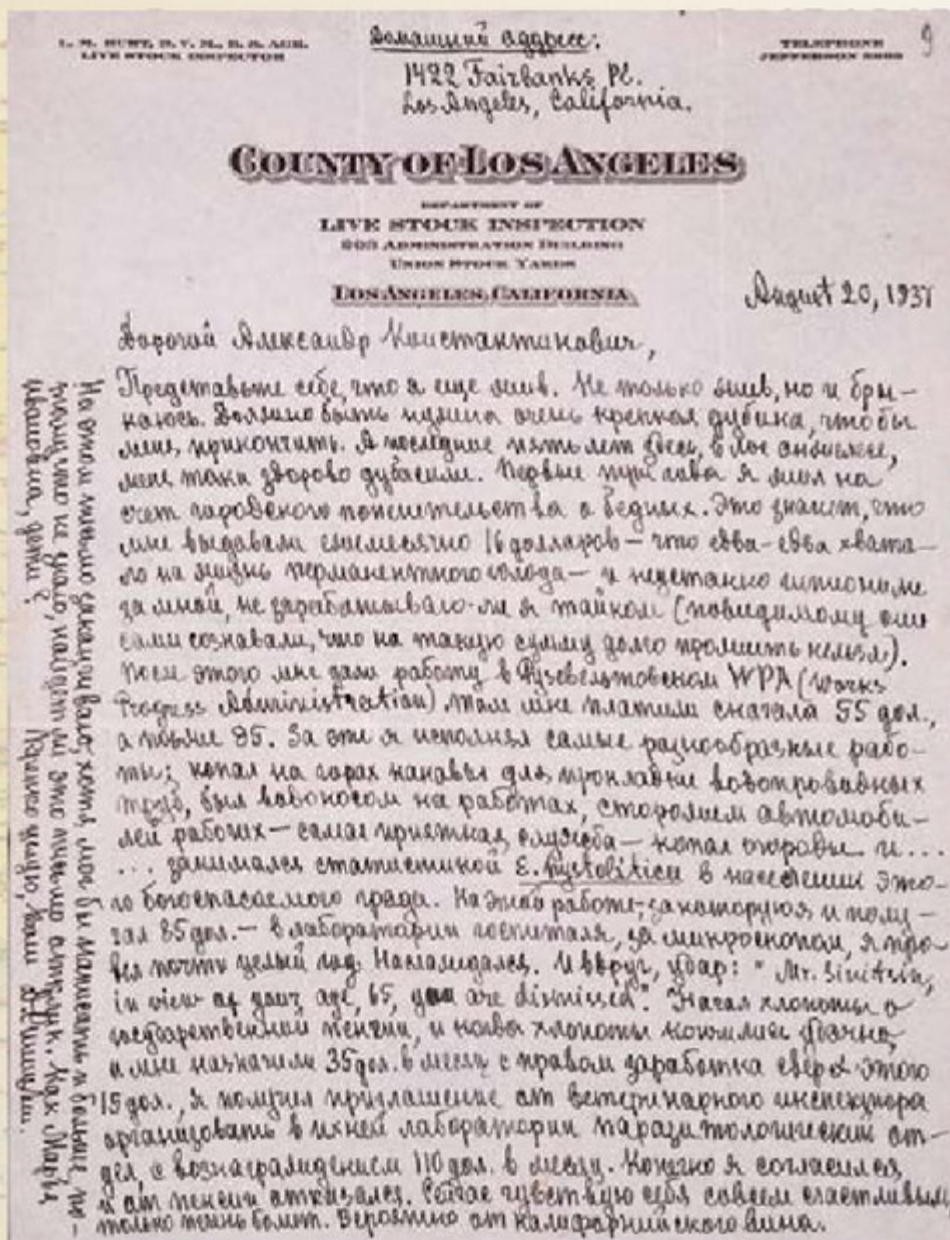

THE
UNITED STATES
OF
AMERICA

■ Поездка Синицыных по западным штатам США в 1928–1929 годах: Девис (Калифорния), Корвалис (Орегон), Рино, Элко (Невада), Войсе (Идахо), Монтана, Солт-Лэйк-Сити (Юта), Колорадо, Нью-Мексико, Феникс (Аризона), Техас.

■ Город Эль-Пасо (Техас), в котором произошла трагедия с Л.И. Синицыной в 1932 году

© СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 9

Домашний адрес:
1422 Fairbanks Pl.
Los Angeles, California.
County of Los Angeles
Department of
Live Stock Inspection
203 Administration Building
Union Stock Yards
Los Angeles, California August 20, 1937

Дорогой Александр Константинович.

Представьте себе, что я еще жив. Не только жив, но и брыкаюсь. Должно быть, нужна очень крепкая дубина, чтобы меня прикончить. А последние пять лет здесь, в Лос Анджелесе, меня таки здорово дубасили. Первые три года я жил за счет городского попечительства о бедных. Это значит, что мне выдавали ежемесячно 16 долларов – что едва-едва хватало на жизнь

19 октября 1937 года Д.Ф. Синицын скончался. Похоронили его на Сербском кладбище Лос-Анджелеса (4355 E 2nd St, East Los Angeles).

перманентного голода – и неустанно шпионили за мной, не зарабатываю ли я тайком (по-видимому, они сами сознавали, что на такую сумму долго прожить нельзя). После этого мне дали работу в Рузвельтовском WPA (Works Progress Administration). Там мне платили сначала 55 дол., а позже 95. За это я выполнял самые разнообразные работы: копал на горах канавы для прокладки водопроводных труб, был водоносом на работах, сторожем автомобилей рабочих – самая приятная служба – копал огороды и... занимался статистикой *E. hystolitica* в населении этого богоспасаемого града. На этой работе, за которую я и получал 85 дол., в лаборатории госпиталя, за микроскопом, я провел почти целый год. Наслаждался. И вдруг, удар: «Mr. Sinitsin, in view of your age, 65, you are dismissed». Начал хлопоты о государственной пенсии, и когда хлопоты кончились удачно, и мне назначили 35 дол. в месяц с правом заработка сверх этого 15 дол., я получил приглашение от ветеринарного инспектора организовать в ихней лаборатории паразитологический отдел, с вознаграждением 110 дол. в месяц. Конечно, я согласился и от пенсии отказался. Сейчас чувствую себя совсем счастливым, только печень болит. Вероятно от калифорнийского вина.

На этом письмо заканчиваю, хотя мог бы написать и больше, потому что не знаю, найдет ли это письмо отклик. Как Марья Ивановна, дети?

Крепко целую, Ваш Д. Синицын⁸⁹.

4. Могила Д.Ф. Синицына. Фото И. Подвалофф. http://www.russianguave.ru/person?prs_id=215

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 209. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–1 об.

² Там же.

³ <http://petergen.com/bovkaloduhov/simferopoldu.html>

⁴ Личный архив Александра Сергеевича Пузанова, внука И.И. Пузанова.

⁵ Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий. — СПб., 1909. Т. 1. С. 33.

⁶ http://poczekałnia.genealodzy.pl/pliki/AP-Warszawa/0214CesarskiUniw_ersytetWarszawski/

⁷ Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 1–1 об.

⁸ Записка о современном положении Императорского Варшавского Университета. — Варшава. 1906. С. 9; Варшавский дневник (ВД). 1905. 13 октября. № 282. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ <http://zapadrus.su/rusmir/istf/1187-e-f-karskij-rektor-imperatorskogo-varshavskogo-universiteta.html>

¹¹ НАРБ. Ф. 209. Оп. 2. Д. 75. Л. 1.

¹² Эта гимназия оставалась лучшей в Москве даже при советской власти, которая присвоила ей № 59 и имя Н.В. Гоголя.

¹³ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 84. Ед. хр. 538. Л. 4.

¹⁴ АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 2.

¹⁵ Личный архив А.С. Пузанова. Воспоминания И.И. Пузанова.

¹⁶ Там же.

¹⁷ http://vivovoco.rsl.ru/VV/ARTS/MUKHINA/CHAPT_V02.HTM

¹⁸ http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=3498:lenin-qua-nazval-by-etomonumentalnoj-propagandojq&catid=25:memory&Itemid=2

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 84. Ед. хр. 538. Л. 10.

²⁰ В других высших учебных заведениях многие профессора либо прямо увольнялись, либо против их желания переводились в другие города, вследствие чего по большей части сами подавали в отставку. Так, из Петер-

бургского университета были удалены М.Я. Пергамент, И.А. Покровский, Д.Д. Гримм; не был утвержден М.И. Туган-Барановский; в психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге не был утвержден его создатель, профессор В.М. Бехтерев. Из преподавательского состава женского медицинского института вышел профессор С.С. Салазкин. Студентам, кроме так называемых академистов, запрещались союзы и собрания. Томский и Саратовский университеты не получили расширения; городам Вильно и Минску отказано в ходатайстве об открытии университета. Многие студенты были исключены из высших учебных заведений. В 1912 году были уволены все слушательницы женского медицинского института. Главная причина исключений — политическая неблагонадежность, участие в сходках и т.п. Л.А. Кассо резко выступал против создания студенческих организаций и союзов, исключая полностью лояльные властям организации «академистов», отстаивавшие принципиальную аполитичность вузов. Подготовка профессорского корпуса была переориентирована с отечественных вузов на заграничные (постановление от января 1912 года). <http://www.edudic.ru/beo/6756/>

²¹ Синицын Д.Ф. В Московскую Комиссию Университетского Совета Нижегородского Народного Университета (Письмо моим товарищам) // Вестник Нижегородского университета (Приложение). 1918. № 1. (18 апреля).

²² АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 4–5.

²³ Там же. Л. 6–7.

²⁴ Там же. Л. 14–16 об.

²⁵ Там же. Л. 8, 8 об.

²⁶ Александр Сергеевич Щепотьев (1879–1937) — зоолог, доктор философии естественных наук, профессор. Окончил физико-математический факультет (естественное отделение) Петербургского университета, 1902; присуждена ученая степень доктора философии естественных наук (Гейдельбергский университет), 1903. Научный сотрудник биологической станции в Норвегии, зоологической станции в Неаполе, 1903–1906; приват-доцент Петербургского уни-

верситета, 1906–1911. Старший специалист по сельскохозяйственной части Министерства земледелия, 1911–1913; заведующий Кавказской шелководческой станцией в Тифлисе, 1914–1917; ученый секретарь Кавказского историко-археологического института АН Закавказья, 1917; заведующий информационным отделом Министерства иностранных дел Азербайджана, 1917–1920. Профессор зоологии сельскохозяйственного факультета Азербайджанского политехнического института, заведующий кафедрой палеонтологии нефтепромышленного факультета, 1920–1924; профессор зоологии Высшего педагогического института в Витебске, 1924. Заведующий кафедрой зоологии (общей биологии) БГУ, 1924–1928. Изучал проблемы иммунитета. Стажировался в лаборатории профессора И.И. Мечникова (Пастеровский институт); при Петербургском университете организовал курс «Учение об иммунитете в свете современной биологии». Изучал «постановку сельскохозяйственного образования» в Италии, Франции; исследовал организацию шелководства в Австрии, Болгарии, Румынии, Франции и ряде других стран. Принимал участие в научных экспедициях, в том числе, Норвежского рыбного управления в Индию, Египет, на Цейлон для исследования «микроскопической физики морского дна», 1903.

²⁷ Григорий Александрович Кожевников (1866–1933) — российский и советский энтомолог, зоолог, географ, охотовед, эколог, специалист в области биологической эволюции, в том числе, человека, основоположник заповедного дела России, первый председатель Всероссийского общества охраны природы, профессор Московского университета, Московского геолого-разведочного института ВСНХ, Тропического института наркомздрава.

²⁸ Алексей Николаевич Северцов (1866–1936) — русский биолог, основоположник эволюционной морфологии животных.

²⁹ Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930) — известный русский зоолог. С 1908 года — член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

- ³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 1–2.
- ³¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 84. Д. 538. Л. 16.
- ³² <http://www.lasius.narod.ru/antruzsky.htm>
- ³³ Там же.
- ³⁴ Личный архив А.С. Пузанова. Воспоминания И.И. Пузанова.
- ³⁵ Н.М. Молева «Москва – столица». – М.: «Олма-пресс», 2003. С. 540.
- ³⁶ Эдуард Андреевич (Карлович) Мейер (1859–1928) – русский зоолог, специалист по изучению кольчатых червей, профессор Казанского университета; работал ассистентом на Неаполитанской зоологической станции.
- ³⁷ АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 9, 9об.
- ³⁸ Николай Федорович Рудольф – попечитель Кавказского учебного округа (1906–1917).
- ³⁹ АРАН. Ф. 445. Оп. 3. Д. 1083. Л. 10, 10об., 11, 11 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 12, 12об., 13, 13 об.
- ⁴¹ Ю.А. Бахурин. Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской Империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.). – М., «Тактикал Пресс». <http://histrf.ru/uploads/media/default/0001/07/3fcd71960ab387731c7b35abb16f6d34bee0e2b.pdf>
- ⁴² <http://www.unn.ru/90/?main=90&sub=gazeta&page=9>
- ⁴³ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2082. Оп. 2. Ед. хр. 291. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6.
- ⁴⁵ Синицын Д.Ф. Проблема анабиоза у млекопитающих (с приложением диаграммы) // Записки Белорусского государственного университета сельского хозяйства. 1923. Вып. 1. С. 21–38.
- ⁴⁶ «Нижегородский листок». 1916. 24 августа. № 231.
- ⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 84. Ед. хр. 538. Л. 21.
- ⁴⁸ Факты и личные воспоминания профессора М.П. Архангельского. 1951 // Видные ученые Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. – Н. Новгород, 1997.
- ⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 238. Л. 1, 1об.
- ⁵⁰ Хохлов А.Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета. 2001; Тарбеев М.Л. История кафедры зоологии ННГУ 1918–1921 гг. (2005) на электронном ресурсе <http://tarbeev-mikhail.livejournal.com> (2008); Рыбьев В.Б., Полянская Т.Ю. Бывший Варшавский, ныне политехнический институт: докум. повествование 1898–1934 годы. – Н. Новгород: НГТУ, 2007; Игонина Д.С., Кузнецов А.А. «Синицын... казался смелым пионером в области высшей школы»: первый ректор ННГУ и советское студенчество. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2015. С. 30–37; Журнал «Нижегородский музей». 2016. Специальный выпуск, посвященный столетию университета, № 30 (С. 8–32).
- ⁵¹ Синицын Д.Ф. Новый Университет. Объяснительная записка к проекту положений о Нижегородском Университете // Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Монография. – Нижний Новгород, 2013.
- ⁵² Личный архив А.С. Пузанова. Воспоминания И.И. Пузанова.
- ⁵³ Тарбеев М.Л. История кафедры зоологии Нижегородского университета (1918–1921 гг.). <https://tarbeev-mikhail.livejournal.com/?skip=50>.
- ⁵⁴ El Paso herald post. 1932. 9 апреля. <https://newspaperarchive.com/el-paso-herald-post-apr-09-1932/>
- ⁵⁵ И.И. Пузанов упоминает тех сотрудников, с которыми он познакомился в Нижнем Новгороде, на самом деле из них только В.В. Милютин был приглашен Д.Ф. Синицыным. Остальные пришли позже.
- ⁵⁶ Помни о подкове.
- ⁵⁷ Личный архив А.С. Пузанова. Воспоминания И.И. Пузанова.
- ⁵⁸ Синицын Д.Ф. Этюды по теории биологического детерминизма. – Минск: [Б. и.], 1923. Ч. 1: Вечные цепи.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ НАРБ. Ф. 209. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.
- ⁶⁴ Там же. Л. 28об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 40. Л. 65.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 3.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.
- ⁶⁸ Там же. Д. 10. Л. 88.
- ⁶⁹ Там же. Д. 14. Л. 56.
- ⁷⁰ Там же. Л. 56об.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. Д. 73. Л. 3.
- ⁷³ Там же. Л. 3об.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. Д. 19. Л. 4.
- ⁷⁶ Там же. Д. 73. Л. 9.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 11.
- ⁷⁸ Там же. Л. 10.
- ⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 4, 4об.
- ⁸⁰ Майерс. История Герпетологии / Бюллетень Американского музея естественной истории. – Нью-Йорк, 2000. № 252. С. 47.
- ⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 5, 5об.
- ⁸² Там же. Ф. 902. Оп. 2. Д. 482. Л. 1, 2.
- ⁸³ Там же. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 6.
- ⁸⁴ Там же. Л. 7, 8.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 902. Оп. 2. Д. 482. Л. 5.
- ⁸⁶ El Paso herald post. 1932. 9 апреля. <https://newspaperarchive.com/el-paso-herald-post-apr-09-1932/>
- ⁸⁷ The Coshocton Tribune. 1932. 10 апреля. <https://www.newspapers.com/newspage/11561867/>
- ⁸⁸ СПбФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 482. Л. 6–7.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 348. Оп. 2. Д. 237. Л. 9.